

Олег Северюхин
Беги, Василич, беги

Путевые заметки про рай и ад

Олег Васильевич Северюхин

Беги, Василич, беги. Путевые заметки про рай и ад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11060540

ISBN 9785447414191

Аннотация

Один человек внезапно стал владельцем таинственного дома. Осматривая дворовые постройки, он попал в амбар, в котором были две выходные двери. Открыв одну из них, он попал во Владимирскую Русь времен ее крещения и оказался в компании чекиста Гудымы, который попал сюда вместе с дедом хозяйки дома. Выбравшись из древней Руси, они, спасаясь от милиции, попали в рай, а оттуда при помощи организованной преступности – в ад

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	50
Глава 11	53
Глава 12	58
Глава 13	63
Глава 14	69
Глава 15	73
Глава 16	77
Глава 17	82
Глава 18	87
Глава 19	91
Глава 20	95
Глава 21	98
Глава 22	101
Глава 23	104

Глава 24	108
Глава 25	111
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Беги, Василич, беги
Путевые заметки
про рай и ад

Олег Васильевич
Северюхин

© Олег Васильевич Северюхин, 2018

ISBN 978-5-4474-1419-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Северюхин Олег Васильевич

Глава 1

Наконец-то я стал современным помещиком. Без титула, но с усадьбой. Этаким фазендейро, типа дона Альберто, но без рабыни Изауры. С ними проблем не будет. Была бы фазенда, а уж они сами набегут, благо дон Альберто недурён собой, возрасту среднего и средней же упитанности.

Я сел в старое огромное и пропылённое кресло, покрытое когда-то прекрасным гобеленом, ставшим сегодня обыкновенной вытертой тряпкой, которую невозможно использовать даже для мойки грязных полов, и задумался.

Дом мне достался совершенно случайно. Жена повернулась на том, что только жизнь на природе и в естественных условиях делает человека крепче и богаче духовно. Поветрие поиска смысла жизни в дикой природе возникло ещё в каменном веке и не излечилось до века сегодняшнего, хотя каменные джунгли того и нынешнего времени чем-то похожи друг на друга. Точно так же, наиболее крутым считается тот, чья пещера находится выше и чьи нечистоты текут по стенам нижележащих жилищ.

Точно так же было в лесах и пустынях, где какашки местных жителей, разбросанные по округе квадратно-гнездовым способом, не только отравляли удовольствие от прогулок вышедшим на пленэр пейзажам, но и определяли пределы принадлежащего им пространства.

Спасало только одно – малое количество тогдашних жителей. А представьте себе, если бы в каменном веке жило шесть миллиардов питекантропов? С ума можно сойти. Чем их кормить? Да они бы сожрали друг друга в прямом смысле слова, а не в переносном, как это делается сейчас, загадили бы всю землю вокруг, а потом передохли от эпидемий.

Следующее. На мой дом и усадьбу нет претендентов. Нет и всё тут. И это в нашей стране обновлённого капитализма, созданного правоверными коммунистами, давно мечтавшими о господстве там, где они появляются и где деньги стали мерилom нравственности и порядочности во всём.

Итак. Жила-была одна старушка. Древняя-предвечная, а соседи дали ей мой адрес. Так, мол, и так, человек вроде бы хороший, писатель, смирный, не пьёт, не курит, семья маленькая и что самое главное – человек порядочный, что в наше время является качеством на семьдесят процентов отрицательным и примерно на тридцать процентов – положительным.

Старушка при помощи соседей созвонилась со мной и назначила встречу у неё дома.

Приехали мы к ней вместе с женой. Зашли в дом. Чувствовалось, что когда-то это был крепкий и зажиточный дом, стоящий на самом высоком месте в поселке, примыкая к лесу, который стал настолько маленьким, что его можно вполне назвать рощицей.

– Проходите, гостеньки дорогие, – сказала старушка, вый-

дя к нам, опираясь на деревянную клюку. – Уж не обессудьте старую, что вызвала вас для разговора. Самой неудобно, что ввела вас в разорение, да и время ваше драгоценное потратили на меня. А машину можете поставить здесь, прямо в ограде.

– Ну что вы, Клара Никаноровна, – успокоил я её, – ничто в жизни не делается просто так и никогда встреча с людьми не бывает ненужной.

– А не скажите, молодой человек, – засмеялась старушка, – иногда бывают такие встречи, что так и думаешь, что это не Господь Бог устроил её, а тот Владыка, имя которого мы не произносим просто так. Да вы проходите и не обессудьте, что порядка у меня в доме никакого. Сил нет приборку сделать, да и угостить-то вас нечем.

– Не волнуйтесь, Клара Никаноровна, – сказала моя жена, – у нас всё с собой есть. Вы только покажите, что и где есть, а мы уж тут сами на стол соберём.

– Да вот оно, всё тут, – сказала хозяйка и обвела дом руками.

Мы посадили Клару Никаноровну в кресло и стали накрывать на стол.

Стол был тяжёлый, дубовый и покрыт такой скатертью, которая рассыпалась не только от дуновения на неё, но и даже от взгляда. Стол был слишком тяжёл, поэтому мы подтащили кресло к столу.

– Возьми, дочка, скатерть в комод, – сказала старушка

и подала моей жене связку маленьких ключиков.

В комодѣ лежали старые скатерти, простыни, наволочки, платья и прочие текстильные изделия, которые всегда хранились в старых комодах.

Я взял ведро и вышел во двор к примеченному мной колодезному срубу. Открыв крышку колодца, я был ослеплѣн солнечным светом, вырвавшимся из колодца.

– Ничего себе, – сказал я про себя, – обычно солнце ярко врывается в колодец, а не вырывается. Хотя, это мне просто показалось. Солнечный луч упал в колодец и отразился от воды.

Опустив ведро в колодец, я с помощью вѣрота достал ведро прозрачной и теплой воды. Именно теплой, как будто она стояла на солнце и грелась. Отхлебнув из ведра, я почувствовал вкус настоящей колодезной воды, но не холоднющей, а именно нагретой на солнце.

Получив воду, жена быстренько протерла стол влажной тряпкой и накинула на нее приличную белую скатерть. Затем вся вода пошла на мытье посуды из горки, стоявшей в комнате.

– Олег, не будете ли так любезны раздуть самовар? – спросила меня Клара Никаноровна. – Вы умеете с ним обращаться? Вот он стоит за занавеской.

За занавеской стоял не самовар. Там стоял генерал. Серебряный семилитровый генерал, вернее, семилитровый самовар, украшенный десятком медалей, так четко выбитых

на поверхности, что можно было прочитать каждую букву. Василий Павлович Баташевъ въ Туль. Фабричное клеймо утверждено правительством. Одна золотая медаль, три серебряных медали и две бронзовых медали на выставках 1865, 1897, 1898, 1899, 1900 и 1903 годов. А сверху российский государственный герб – двуглавый орёл.

Быстренько ополоснув самовар, я залил его солнечной водой, закрыл крышкой, набросал в трубу найденные во дворе бумажки, щепки и поджег их спичкой в поддувное отверстие снизу. Сначала из трубы показался легкий дымок, а потом самовар начал гудеть, выбрасывая из трубы искры. Оглянувшись, я увидел у крыльца самоварную трубу в виде буквы «г», которая гасит искры. Бросив ещё щепок, я поставил трубу и пошёл в дом.

Женщины о чём-то весело болтали между собой, перетирая чайные приборы в виде старых чашек и серебряных ложек. Как здорово, что мы купили баночку земляничного варенья, незаменимого при любых чаепитиях. Конфеты, печенье, небольшой торт, апельсины, хурма и бутылочка хорошего крымского вина. Как мне сказали, настоящая «Масандра». И что-то нас заставило купить и маленькую пачку хорошего индийского чая.

– Самовар гудит, через десять минут будет торжественный внос, – сказал я и вышел во двор. Нельзя надолго оставлять самовар без присмотра. Так можно оказаться вообще без хозяйства. И без самовара.

Глава 2

С кипящим самоваром я вошёл в горницу и водрузил его на серебряный поднос. Споласкивая заварной чайник, я обратил внимание на клеймо производителя, два синих меча и латинская буква «Гэ» рядом.

– Фарфор гарднеровский, не мейсенский, но всё равно дорогой, – подумал я.

– Да, да, – сказала Клара Никаноровна, – это гарднеровский фарфор, от дедушки покойного достался.

– Неужели она умеет читать мысли? – встревожился я.

– Не волнуйтесь, – сказала старушка, – мысли я читать не умею, просто я предполагаю, что в данной ситуации может подумать умный человек и отвечаю на эти мысли, и, знаете, ещё ни разу не промахнулась, – и она звонко и по-молодому засмеялась.

Засмеялись и мы с женой. Контакт налаживался так, как будто мы были сто лет знакомы и сейчас приехали к ней просто в гости.

Чай из колодезной воды существенно отличается от чая из хлорированной воды, даже если она очищена в двух фильтрах. Колодезная вода очищается слоями земли и считается самой чистой, но я к этой чистоте отношусь с некоторым предубеждением, особенно в населённом пункте сельского типа.

– Ну, что вы, – скажет мне любой сельский житель и будет неправ, потому на различных водоносных слоях находятся выгребные и силосные ямы, кладбища и могильники, туалеты и овраги, где скапливается стекающая вниз вода. Самая чистая вода – из глубоких артезианских колодцев, не смешанная с поверхностными слоями воды. Хотя и колодезная вода тоже неплохая.

Ещё хочу сказать, что колодезная вода отлично заваривает любой чай от брикетного фруктового до элитного листового. Как подсолнечное масло вытягивает подсолнечное масло из подсолнечного жмыха, так и колодезная вода вытягивает танин и все вяжущие и красящие вещества из чайного листа. И заварка получается такая крепкая, что на зубах чувствуется оскомина, как будто вы заварили целую пачку как заключённый во время чифиряния, а не хорошую щепотку чая.

Мы пили чай и никто не переходил к главному вопросу, ради которого мы собрались за этим старым, но по-современному накрытым столом.

– Вы знаете, – сказала Клара Никаноровна, – род наш ведётся со времён царя Петра, именуемого в советской истории Великим. Великий он был или невеликий, но он был равен князю Владимиру, который мечом и огнём крестил Русь. Потом был Ленин. Потом Горбачев. А сейчас новый, который снова ведет всех к Сталину.

Я смотрел на старушку и удивлялся. Лет ей был много, на глаз определить трудно, но лет семьдесят, это точно.

Плюс минус пара лет. В доме нет ни радио, ни телевизора, ни компьютера, даже присутствия газет я не обнаружил. Откуда она всё это знает?

– Откуда бабушка всё знает? – снова удивила меня вопросом Клара Никаноровна. – От верблюда, – и она засмеялась. – Вы мне не поверите, но всё, что делается в нашей стране, я вижу во сне. Ложусь спать и как будто читаю сводку новостей. Когда долго живёшь, то все события начинают иметь предысторию и не воспринимаются как что-то новое, только что произошедшее. Нового у нас нет ничего. Всё старое, нового-то ничего не придумано. Что своё придумано в России? В чём Россия имеет несомненный приоритет?

– Ну, в космосе мы самые первые, – как-то неуверенно произнес я. – И вообще, в нашу эпоху открыто деление ядра атома, – бодро продолжил я, – затем авиация, полеты в космос, открыли телевидение, создали компьютеры и ввели в обращение сеть Интернет. А генетика?

– Хорошо разбираетесь в событиях, молодой человек, – сказала Клара Никаноровна, – вот только где тут российский приоритет? Народоволец Кибальчич выдвинул идею ракетного летательного аппарата с качающейся камерой сгорания для управления вектором тяги. И где он, этот Кибальчич? Повешен за участие в убийстве Александра Второго. Вавилов сделал прорыв в генетике, как вы говорите, а энкаведешники Сталина превратили приоритет России в лагерную пыль. Русские ракетостроители сидели по лагерям, в то вре-

мя как немец Вернер фон Браун делал свои ракеты, которые и сейчас летают в космос с американскими космонавтами. Главный телевизионщик мира русский Зворыкин еле успел выскочить из лап чекистов Держинского. Русский авиаконструктор Сикорский оснастил Америку классными вертолётами. Если в России и были какие-то компьютерные идеи, то их уничтожили в зародыше. Про интернет я и не говорю. Там мы и рядом не стояли. У вас какой телефон? – обратилась она ко мне.

– Нюкия Люмия 720, – гордо сказал я и достал из кармана плоский аппарат, по которому можно звонить как по телефону, а так же смотреть интернет, передавать сообщения, отправлять электронную почту, а также фотографировать и снимать на видео всё вокруг.

– Российский? – спросила хозяйка дома.

– Нет, сейчас уже финско-американский, – сказал я, прекрасно понимая, что очень трудно в наши дни похвалиться чем-то своим российским. Но меня поражали знания старой женщины. Сейчас даже продвинутая молодежь не может похвастаться такими энциклопедическими знаниями, а уж про ровесников Клары Никаноровны я и не говорю. Это пережитки прошлого века, которые к технике и научным прорывам имеют большую осторожность, переходящую в отвращение. А, может, старушка является роботом, киборгом, который создали пришельцы, и нас она пригласила для того, чтобы познакомиться со знакомыми марсианами?

– И здесь вы тоже неправы, – снова удивила меня старушка, – я не робот и не киборг космических пришельцев и ни с какими марсианами я вас знакомить не буду. Можете ущипнуть меня и проверить, что я не подключена ни к какой электрической розетке. Вот вы начинаете удивляться всяким глупостям и сбиваете меня с того, что я хотела вам рассказать. А на чём я остановилась?

– Вы остановились на Петре Первом, – подсказала моя жена.

– Точно, – оживилась старушка, – на Петре Великом, тогда слушайте дальше.

Глава 3

– Как я уже говорила, – стала рассказывать Клара Никаноровна, – род наш ведётся со времён Петра Великого. Мой самый дальний предок появился в окружении молодого царя в качестве помощника Брюса Якова Вилимовича и бывшего в царской свите, сопровождавшей герра Питера в западной поездке по ознакомлению с основами судостроения в Голландии. Фамилия нашего предка нигде не упоминается, но он играл достаточно заметную техническую роль в вызволении царя Петра со свитой и с армией из неловкого окружения в Молдавии в 1711 году. Победитель в Полтавской битве и вдруг такая конфузия.

– Да, о Прутском походе Петра известно очень немного, – подхватил я, – зато будущая императрица Екатерина своими бриллиантами выкупила у турок перемирие и свободный проход к своим. Потом Петр в ознаменование подвига будущей супруги и императрицы учредил женский орден святой Екатерины, который назвали орденом Освобождения. Этим орденом потом награждали всех великих княжён и даже наградили сына Александра Данилыча Меншикова.

– О пожертвовании бриллиантов это легенда, – улыбнулась Клара Никаноровна, – нужно же было как-то скрасить поражение, вот и придумали легенду о бриллиантах и соорудили орден. Перевели стрелки внимания народа на другой

объект. А с бриллиантами случилась такая вот история, что в лагере, окружённом турками и крымскими татарами, было много офицерских жён. Офицеры ездили на войну с семьями и со скарбом. Так вот будущая императрица раздала офицерским жёнам свои бриллианты для сохранности, а потом скрупулезно собирала их. Немецкий Орднунг должен быть во всём.

– Клара Никаноровна, – спросила жена моя, – а откуда вы всё это знаете?

Хозяйка дома вдруг замкнулась и замолчала. Мы с женой переглянулись, совершенно не понимая, чем мы могли обидеть старушку.

– Вы уж, милые, не волнуйтесь, – сказала Клара Никаноровна, – ничем вы меня не обидели, просто я подбирала слова, как бы мне попонятнее объяснить, с какой целью я вас пригласила и как это вам сказать так, чтобы не испугать и не отпугнуть вас от меня.

У нас гора с плеч упала. Вообще с пожилыми людьми нужно быть очень осторожными. Подумаешь, что они ровня тебе и начинаешь с ними обсуждать проблемы как с соратниками, а они вдруг замолчат и обидятся, не почувствовав должного к себе уважения.

– Ладно, знаю я, Олег, что вы в армии служили, любите говорить прямо и четко, поэтому и я последую вашему примеру, – сказала хозяйка. – Первое – мы с вами очень дальние родственники. Очень дальние, но других родственников

у меня нет. Второе. Стара я очень стала и одна уже не могу обслуживать себя. Нужна помощь, да и наследство кому-то нужно передавать. Лучше, когда оно передается из теплых рук, а не расхватывается их холодных рук. Не хочу, чтобы прахом всё пошло. Третье. Этот дом нужно сохранить во чтобы то ни стало, и никому его не отдавать и не продавать. Сделайте здесь своё, то есть наше родовое гнездо. Пусть ваши дети и внуки живут здесь, а потом и внуки ваших внуков. Нельзя, чтобы наша линия пресеклась. Вот такая получилась диспозиция. Можете отказаться. Я и так помру, а всё добро прахом пойдет. Решайте. Обиды на вас держать не буду.

За столом воцарилась тишина. Мы были готовы ко всему, но вот не к этому. Мы думали, что нам предложат купить этот дом, а нам он достается даром впридачу с немощной родственницей. Да и родственница ли она нам?

Кто сейчас может рассказать о своей родне дальше второго или третьего колена. Единицы. Это только в Азии изустно передают легенды о своих родах и своих родственниках, а у славян это как-то не прижилось.

Хотя, какие мы славяне? Мы уже давно не славяне, а советские люди с повернутыми идеологией набекрень мозгами. Мы самые великие. Мы самые умные. Мы самые веселые. Мы самые добрые. Широка страна моя родная, где так вольно дышит человек. Москва – третий Рим и четвертому Риму не бывать. Православие потому и Православие, потому

что оно правильно и верно. Идеи Маркса, Ленина и Сталина правильны и всеильны, потому что они верны. Если бы не православие, мы бы до сих пор были язычниками и ходили в медвежьих шкурах. Если бы не Ленин и Сталин, то мы бы до сих пор были в крепостном праве и помещики продавали нас пучками по пять штук в базарный день. Одним словом, в голове такая каша, что мы сами себя не понимаем и не знаем, кто мы и чего хотим.

– Да мы и не против, – сказал я и жена согласно кивнула головой, – да только что о нас подумают люди? Скажут, что навязались бедной старушке неизвестно какие родственники, обдурить её хотят, забрать дом себе, а её в дом престарелых. Потом ведь на чужой роток не накинешь платок.

– За это не волнуйтесь, – сказала повеселевшая Клара Никаноровна, – есть у меня одна бабёнка, так она получше всякого Совинформбюро доведет до каждого сознательного и несознательного гражданина нашего посёлка о моих родственниках. И давайте мы не будем тянуть дело с оформлением дома на вас. Прямо с завтрашнего дня и начнём. Вы же сегодня никуда не уедете? – она вкрадчиво посмотрела нам в глаза. – Место, где спать есть, и к дому привыкать будете, и дом к вам привыкать тоже станет

Конечно, в словах старушки были определенные странности, но вот вы доживите до её лет, тогда и посмотрим, какие у вас будут странности в речи.

В доме оказалось ещё три отдельных комнаты, в которых

стоял диван, на котором спала старушка, и широкая кровать, на которой расположились мы.

– Слушай, я поверить не могу во всё происходящее сегодня, – шептала мне жена, – это какая-то сказка. А чего ты не говорил, что у тебя есть такая родственница.

– А я-то откуда знал о ней, – сонно сказал я, – мои родители ничего не говорили о других родственниках. Давай спать. Утро вечера мудренее. Завтра всё и обкумекаем.

Уснул я мгновенно. Дамы тоже спали тихо и спокойно. Вино действительно было массандровское, от вина щеки моих женщин покраснели и они уже были как две давние подруги, разговаривая о всяких женских делах.

Глава 4

Ночью мне показалось, что дом стал качаться и подниматься вверх. Затем он стал качаться так, как будто куда-то пошёл, переставляя под собой огромные лапы.

Я пошёл в большую комнату, в так называемую залу, постоянно сваливаясь то в одну, то в другую сторону, как на корабле во время сильной качки.

Я понимал, что должен был остановить этот дом и вернуть его на место, сказав старую и всем известную фразу:

– Домик, домик! Встань ко мне передом, а к лесу задом.

И домик сразу встанет как надо, а из дверей выйдет улыбающаяся Баба-Яга и скажет:

– Чую, русским духом запахло. Кто это в мои владения без приглашения приперся?

Я вышел из спальни прямо так, как и встал, в семейных трусах и предстал перед тремя женщинами, ведущими оживлённый разговор. Первой была хозяйка, Клара Никаноровна, второй – моя жена, третьей – развесёлая молодница лет далеко за сорок в простом ситцевом платье и с бидоном, стоящим у ног. Бидон был старый, самодельный из паяной жести с высоким узким горлышком, заткнутым деревянной пробкой с белой тряпкой.

Неловкую ситуацию скрасила наша хозяйка, которая просто указала на меня рукой и сказала:

– А вот, познакомьтесь, Верочка, это Олег, мой внучатый племянник, которого я, наконец-то, нашла и который будет жить у меня вместе с женой, помогая бедной старушке в её нелегкой жизни, скрашивая последние годы. Можно сказать, что это мой прямой и единственный наследник.

Кивнув головой, я скрылся в спальне и стал надевать брюки, висевшие на спинке стула. Когда я вновь вышел из спальни одетым, молочницы Верочки уже не было.

– Вот и моё Совинформбюро заработало, – сказала Клара Никаноровна, – к обеду весь посёлок будет знать, что вы мои родственники.

– А мы действительно родственники? – спросил я.

– Все люди – братья, – улыбнулась старушка, – все мы произошли от Адама и Евы, а, значит, и есть родственники. Я ещё вчера в вас почувствовала родную кровь, а это, поверьте мне, очень немало для того, чтобы вверить свою жизнь в ваши руки. Да, вот так.

– Не обижайтесь, Клара Никаноровна, – сказал я, – просто всё так неожиданно, что я ещё не до конца осознал то, что произошло вчера. А, кстати, вчера не было никакого землетрясения? Мне показалось, что дом как бы кренился из стороны в сторону.

– Вот видите, – торжественно сказала хозяйка, – если бы вы не были нашей крови, то вы бы этого не почувствовали. Дом стоял на месте, просто вы очень чувствительны к волнам человеческого настроения, которые пробегают над нами

ежечасно и ежеминутно и над нашим домом в то время, когда очень многие люди начнут поминать нас одновременно. Но вы привыкнете ко всему. И ничему не удивляйтесь. Воспринимайте всё так, как оно есть.

В это время нас позвали завтракать, а после завтрака я поехал в город взять с собой знакомого нотариуса и оценщика недвижимости, чтобы записать это всё в завещание.

Договорившись с чиновниками о завтрашнем выезде, я заехал домой и попытался в Интернете найти данные на Клару Никаноровну. Никакой информации я не нашёл, да и откуда ей взяться в таком современном средстве коммуникации.

Человек я небогатый и поэтому на оценщика и нотариуса потратил чуть ли не половину всех моих сбережений. Откуда могут взяться большие деньги у писателя, издающего свои книги в бесплатных издательствах, печатающих книги по заказу? Книги никто не редактирует, встречаются в них и опечатки и несогласования, типа, читайте как есть. Даже книгу в издательскую форму загружает сам писатель. За всё он получает международный стандартный книжный номер, сокращённо – ИЭсБЭн. Этот уникальный номер книжного издания является частью так называемого издательского пакета. Он необходим для распространения книги в торговых сетях и автоматизации работы с изданием. А автору ещё обещают десять процентов от стоимости продажи каждого экземпляра. Правда, я пока не встречал ни одного человека,

который мог похвастаться гонорарами из таких издательств, но зато у писателя есть напечатанные книги. Поэтому приходится довольствоваться пенсией и редкими приработками на стороне.

Оценка дома и составление завещания прошли достаточно быстро. Дом был оценён дешевле стоимости дров, которые получатся от его слома. Древесина потеряла свой товарный вид и при распиловке будет превращаться в простую щепу, как сказал строительный специалист-оценщик. С этим согласилась и нотариус, поставившая такую цену в завещании.

Наконец, все подписи и печати были поставлены, и я повез людей обратно в город по местам их проживания. Спасибо им в пояс, а то ведь могли заочевряться и сказать, чтобы я вёз бабку и дом к ним для составления документов и осмотра помещения.

В посёлок я вернулся к вечеру. Женщины уже приготовили ужин, а я привез из дома вещи, необходимые для проживания в дачных условиях.

– Ты, племянничек, не беспокойся, – сказала Клара Никаноровна, – дом этот построен очень и очень давно из сибирской лиственницы, крепость которой год от года увеличивается, несмотря на то, что внешне она выглядит не очень приглядно, зато фундамент такой, что никакие кирпичи и бетоны с ним не сравнятся. Вон, Венеция, стоит на сибирской лиственнице, так та только крепче становится. Скоро Ве-

неция станет подводным городом, а с лиственницей ничего не делается. А сейчас пойдём обедать, нужно много ещё чего обговорить.

Глава 5

В конце обеда был подан грушёвый компот. Клара Никаноровна откинулась в кресле и сказала:

– Послеобеденное время всегда предназначено для того, чтобы отдохнуть, вздремнуть или послушать какую-нибудь поучительную и занимательную историю, полезную для воспитания подрастающего поколения или способствующую размышлению среднего поколения. И вы тоже послушайте, считая нас членами одной семьи и с долей веры отнесясь к семейным преданиям, потому что вам придётся их передавать в изустном изложении.

Все мы относимся к древнему римскому роду Элизеев, участвовавших в основании Флоренции. Наш предок по имени Каччагвида участвовал в крестовом походе короля Конрада Третьего и там получил свое дворянство, то есть был пожалован в рыцари, но чуть позже погиб в бою с поборниками ислама, тоже воевавшими Гроб Господень. Каччагвида был женат на даме из ломбардской семьи Альдигьери да Фонтана. Один из сыновей его был назван Алигьери, а внуком его стал небезызвестный Данте Алигьери, написавший «Божественную комедию».

Писатель и политик он вынужден был скитаться по свету и его потомки переселились в Московию ещё до Великой Смуты. Записались они Олигерьевыми, и я до сих пор

ношу фамилию Олигерьева. В «Бархатную книгу» записаны мы не были, однако привилегии дворянские имели. Предки наши в службу государеву не лезли как иностранцы лихие, которые «на ловлю счастья и чинов» со всех сторон полезли в Россию, зато на небольших должностях служили честно и бескорыстно, за что прапрадеду моему отписана была эта деревенька, до сих пор называемая Олигерьевкой.

За то, что мои предки были грамотными, читали книги на непонятных языках, их называли чернокнижниками и колдунами, могущими одним взглядом отправить людей то ли в рай, то ли в ад.

В годы Второй Смуты дед мой служил чекистом на небольшой, но важной должности, выполняя конфиденциальные поручения товарища Бокия Глеба Ивановича, комиссара и начальника специального отдела ВЭЧэКа.

Репрессии деда моего сильно не затронули, а вот папенька мой был послан за границу с каким-то специальным заданием и там сгинул в неизвестности. Но, судя по тому, что дед мой сильно не горевал по своему любимому сыну, да и то, что матушка моя тоже не была в постоянном трауре, сдаётся мне, что папенька мой исчез с их ведома и, возможно, даже и сейчас где-то жив, но не подаёт известий о себе, чтобы не навредить нам.

Я родилась через два года после отъезда папеньки в командировку, но записана под его именем и дед мой всегда говорил, что я дочь своего отца. Вот и подумайте, как и что

может быть. Я хоть старушка и отсталая, однако, сделала генетический анализ волоса, найденного в расческе моего отца, со своими. И анализ дал результат, что я дочь своего отца и подозрения, что мать была ему неверна, оказались ложными.

Однажды мне приснился сон, что в мою спальню вошли папа, мама, дедушка. Они стояли и смотрели на меня, а папа улыбался шире всех. Потом он подошел, погладил меня по щеке, поцеловал и ушёл.

Когда я рассказала о своём сне, то дедушка и мама успокоили меня, объяснив, что детям часто снятся родители, которых они никогда не видели. Но фотографию-то я видела и знаю, как выглядит мой папа.

Вот ещё что. Мой дед передал мне вот эти два ключа и сказал, чтобы я их хранила как зеницу ока и передала по наследству только кровным родственникам как семейную реликвию. Так что, Олег, бери эти ключи и владей ими. Я не знаю, от чего они, от каких дверей, но, возможно, ты разберешься, что и к чему.

– А дед ваш не рассказывал, чем он занимался у Бокия? – спросил я.

– Точно сказать не могу, – сказала моя новая родственница, – он был у них вроде алхимика и искателя крупных кладов, закопанных вельможами на чёрный день.

– И как, находил он клады с золотом и бриллиантами? – улыбнулся я.

– Зря иронизируете, уважаемый Олег, – сказала Клара Никаноровна и подошла к старинному и громоздкому комоду, который был больше похож на старинный ларь с выдвигаемыми ящиками, в которых спокойно разместится взрослый мужчина. Достав связку с маленькими ключиками, она открыла правый верхний ящичек, вернее – ящик, и достала массивную деревянную шкатулку. Открыв другим ключиком шкатулку, она подняла крышку и подозвала меня. – Смотрите, вот это ордена, которые мой дед получил за службу в ВЧК.

В уголке шкатулки рядом с какими-то бумагами лежали два ордена Боевого Красного Знамени без колодок, такой же орден Ленина и знак почетного сотрудника госбезопасности товарища Громова. Внушительный иконостас не только для того времени, но и для сегодняшнего. Сегодня столько орденов имеет какой-нибудь пресс-секретарь премьер-министра, но никак не действительно заслуженный человек. А у Глеба Бокия, которого расстреляли в 1937 году, был всего лишь один орден Красного Знамени. Вообще-то, у умного начальника все подчинённые имеют много наград и других поощрений. А такого начальника самой высокой наградой не обойдут. А вот и обошли, самая высокая награда досталась – пуля в лоб. И не серебряная, а простая из томпака со стальным сердечником.

Глава 6

– Эта шкатулка сейчас ваша, – сказала Клара Никаноровна. – Вы человек серьезный и семейные ценности хранить умеете. Возможно, даже бумаги эти помогут вам в вашем писательском труде.

– Спасибо, – сказал я, – пусть эта шкатулка полежит в вашем комод, у меня пока нет того, что можно было назвать рабочим столом и куда я мог складывать необходимые для себя вещи.

– О, это всё поправимо, – улыбнулась хозяйка, – пойдемте, я вам покажу кабинет моего деда. Можете располагаться там по-хозяйски.

Кабинет представлял собой отдельную комнату в стороне от всех жилых помещений. В деревнях такие подсобные помещения называют клетью, а помещения под ним – подклетом.

Подклет это всё то, что находится на первом, цокольном этаже дома. Там располагаются погреба, мастерские, кладовые и прочие подсобные помещения.

Собственно говоря, клеть – это составная часть дома, объединённая общими сенями.

Входя в любой дом, мы сначала попадаем в сени. Из сеней мы можем пройти в любое помещение, то ли в горницу, то ли в светлицу, то ли в другую клеть.

Кабинет нашего старшего родственника находился как раз в такой клетке. Клетка была немаленькая, примерно четыре на четыре метра, с одним широким окном. Справа стоял деревянный топчан, слева книжные полки, письменный стол с двумя тумбами, сработанный местным умельцем, крепкий деревянный стул. Слева от входа стояла небольшая печь-голландка с изразцами синего цвета под «гжель».

– Дед мой тут и работал, и ночевал здесь же, – сказала старушка, – так что, осваивайтесь и часто не оставайтесь здесь, чтобы жена ваша обиду на вас не таила. Вот вам и место, где можно держать все ваши нужные вещи.

Честно говоря, я даже не знал, что мне делать со всем этим. Как говорится, в зобу дыхание спёрло. Мы мечтали заиметь маленький домик в деревне, где я буду сидеть в маленькой беседке в огорожке и писать что-то такое проникновенное, от чего у местных барышень будут наворачиваться слезы, а мужики будут усмехаться и, подмигивая, говорить мысленно о себе: «Знай, мол, наших». И вот на тебе, целый деревянный дом в экологически чистом месте и сделанный из экологически чистых материалов, которые «дышат», не то, что каменные клетки квартир многоэтажных домов.

Внешний осмотр дома показал, что сруб ставили мастера, знающие секреты русского строительства. Годовые кольца северной стороной были обращены наружу, создавая внутри дома прослойку годовичных колец южной стороны, защищающую от сильных морозов. Одним словом, как естественные

нагревательные панели в современных домах.

Помнится, в семидесятые годы прошлого столетия в городе Хабаровске был построен очень современный панельный дом с встроенными в стены отопительными элементами. Когда дом собирали, то отопительные элементы оказались снаружи и совершенно не отапливали квартиры. Это же не сруб, девять этажей не разберешь и не соберешь заново.

Ручки и пробойники на дверях были кованые, потемневшие, но не ржавевшие в разные периоды года, а там, где ими пользовались чаще, они блестели как серебро.

Забор вокруг дома был крепкий и высокий, наполовину заросший кустарником со стороны, обращенной к небольшому леску. Я попробовал было продирается сквозь этот забор, но у меня ничего не получилось. Весь исцарапался, а продвинуться дальше пары метров не смог.

– Может, вырубить весь этот кустарник к чертям собачим? – пронеслось у меня в голове. – А зачем? – отфутболил этот вопрос здравый смысл. – Есть естественная изгородь, добавочная к существующей. Наоборот, этот кустарник нужно укрепить чем-нибудь, типа чертополоха какого-нибудь, который вопьется в ногу супостату и от его крика проснутся все домочадцы, готовые к отпору. На том и порешим. Кстати, в Англии есть орден Чертополоха, который впился в ногу одного из скрытно нападавших врагов и этот враг от боли вскрикнул, чем разбудил беспечно спавших англосаксов.

Я обошел дом вокруг зарослей кустарника и ничего при-

метного не обнаружил. Дом как дом, правда, во фронтоне виднелось чердачное окно, обращённое на лес.

– Всё правильно, – снова сказал я сам себе, – круговой обзор не помешает.

Я ещё залез на ближайшую сосну и не увидел ничего интересного в тыльной части дома. Справа от меня амбар, слева хлев для скотины. Если смотреть из дома, то всё это будет наоборот. А так всё нормально. Дом как дом.

Глава 7

Я не торопился хозяйничать в доме. Мы с женой всё равно гости, хотя и есть оформленное завещание на нас, но хозяйка ещё жива, находится в полном здравии и было бы неэтичным чувствовать себя хозяевами в доме. Хотя, дом требовал приложения мужских рук и я, не дожидаясь приглашения, стал приводить всё в порядок, благо в подклете есть необходимые инструменты и материалы.

Хозяйственное подворье – это как бы пристроенный к дому гараж. Слева от дома находились широкие ворота, в которые могла проехать телега и проехать напрямую в огород, где лошадь запрягали в упряжь плуга и пахали огород. Затем на лошади вывозили навоз из хлева или возили мешки с зерном в находящийся рядом амбар.

Амбар был пуст. Зерно давно уже не выращивается единоличным крестьянином, а живность есть только у полных семей, а не у одиноких старушек.

Я уже было собрался уходить из амбара, как вдруг шорох и попискивание за стеной привлекли мое внимание. Сомневаюсь, что многие читатели были в деревенских амбарах и представляют себе, что это такое.

Амбар – это отдельная комната, в которой настлан пол и при помощи досок сделаны большие лари – закрома для различных видов зерна. Отсюда и выражения «Закрома на-

шей родины». Чем больше зерна в закромах, тем богаче хозяин амбара.

Лари-загородки делались высотой не более полутора метров, потому что зерно должно вентилироваться и просушиваться, а при большой высоте загрузки зерно начнет гореть, то есть гнить с выделением большого количества тепла.

Здесьний амбар был примерно метр двадцать высотой, но задняя стенка была заложена практически до потолка. Зачем, спрашивается, впустую тратить дорогостоящие доски? Можно заложить стенку на высоту полтора метра и достаточно.

По отсутствию одной доски у потолка было ясно, что доски не прибиты, а наложены одна на другую и удерживаются только косяками по углам.

Я прикатил с улицы довольно большой чурбак, на котором колют дрова и, взобравшись на него, стал вынимать доски, складывая их вертикально в угол.

Заглянув в пространство между досками и срубом, я увидел двух крыс, мирно поглощающих третью. Обычно, крысы не едят друг друга, если есть что-то поесть. А тут две умные твари, не выражая особого беспокойства по поводу моего любопытства, жрали своего сородича и даже не собирались убежать.

– Вот твари, – подумал я, – сейчас я вам устрою Полтавскую битву, – выискивая предмет, которым можно было достать этих каннибалов. А потом. Как я их достану, если я

не полностью разобрал заднюю стенку закровов.

Подойдя к этой стенке, я уже не обнаружил крыс и продолжил разборку стены. Кстати, во всех амбарах всегда было много мышей и крыс, а так же птичек, прилетавших отовсюду, чтобы полакомиться зерном, так что это тоже одна из причин плохого здоровья и малолетья жизни наших предков, заражавшихся различными болезнями от сопутствующих им переносчиков всяких инфекций.

То, что открылось моему взору после разборки дощатой стенки, повергло меня в некоторое удивление. В стене амбара были две двери. Одна рядом с другой. Обыкновенные телесовые двери с наличниками и косяками и каждая дверь закрыта на ключ, а скважина для ключа кованая и фигурная.

Буквально недавно, я осматривал дом с тыльной стороны и не видел никаких дверей в стенке амбара. Тем более двух дверей.

Я заглянул в скважины обеих дверей и не увидел ничего. Одна темнота в механизме запираения. По внешним признакам дверь давно не отпирали, да и доски тоже давно никто не трогал. И сказать, что это фальшдвери для красоты, как-то и язык не поворачивался. Какая-то тайна скрыта за этими дверями. В каждом доме есть место для хранения скелетов.

*В домах сокрыты чьи-то тайны,
И в каждом доме есть душа,
Мы узнаем о них случайно,
В шкафу бумагами шурша...*

А, случайно, не для этих ли дверей те два ключа, которые мне дала Клара Никаноровна?

Есть такая китайская поговорка: Лао ху пхи гу мо бу дэй. Все её переводят как: «Не ищи на свою задницу приключений», хотя дословный перевод такой «Не хватайтесь за задницу тигра».

Может и мне, взять и заложить эти двери досками. И хрен с ними. Не было никаких дверей. Я же не Буратино, который своим носом проткнул картину с котелком, кипящим на огне, и получил такую толику приключений, которых хватило ещё на десяток марионеток, лежащих в старом сундуке.

А, может, этот тот ящик Пандоры, о котором так много говорили старые мудрецы?

Я заложил досками открывшиеся мне двери и перепачканный пошёл в дом, где уже был готов обед.

Глава 8

Дома меня ждали гости. Здоровенный мужик с золотой цепью весом с полкилограмма на шее и иконой какого-то святого, который весил килограмма полтора, не менее. Рядом стояли два шкафа в тёмно-синих пиджаках с бритыми затылками и оттопыренностью в левом боку под пиджаком.

Обладатель миниатюрной золотой цепочки был, естественно, бизнесмен новой формации, прошедший бизнес-школу трех уровней, о чём свидетельствовали купола татуировки, выглядывающей в прорезь, расстегнутой до пупа рубашки полинезийского фасона.

– Вот так, старая, – цедил бизнесмен, поигрывая пальцем с крупным бриллиантом, как бы приближающим его к элите государства, не чуждой мелким подачкам со стороны, – даю за дом сто косых. Это три лимона в рублях. Таких денег ты не получишь нигде.

– Ты опоздал, Мордан, – сказала Клара Никаноровна, – дом я и раньше не собиралась продавать, а сейчас и подавно. Вот он, – она указала на меня, – мой кровный племянник и я всё оставила ему в наследство. Если он будет продавать, то купишь у него, когда меня на этом свете не будет. А я сомневаюсь, что он будет продавать родовое гнездо Олигерьевых.

– Запомни, старая, я не Мордан, а Мардат, – сказал владелец золотых цепей, – если он не будет продавать мне дом,

то я докажу, что он не твой племянник, а жулик и его посадят как Ходорковского на пожизненно, и будет он сидеть до тех пор, пока я буду жив. Поняла. Вот они у меня все где, – и он показал толстый кулак, поросший черной шерстью, – все они здесь, и полимилиция ваша, и следователи, и прокуратуры, и судьи, всем кушать хочется, всем хочется иметь свои дачки на Средиземном море, все хотят кататься на ламбарджинях и ферарах. Законов всяких у нас тьма, а самый главный закон – это бугор с телефоном. Позвонит и они из любого ангела преступника сделают. Раньше даже телефонов не нужно было. Скажет, – делайте с ним что хотите, – вымоет руки и повесят вашего Иисуса Христа на перекладину вверх ногами. А потом хоть залейтесь слезами, дело-то уже сделано. А ты, хорёк, думай над тем, что я сказал, – он встал, плюнул себе под ноги и ушел. Скоро за забором взревел мотор и облачко пыли показало, что «гость» уехал.

Правильно говорят, что незванный гость хуже этого, которого из чувства толерантности убрали из названия ига, под которым Россия была почти триста лет. Чувствуется, что скоро толерантность и политическая корректность низведет нас до положения червей, которым нельзя будет ползать по поверхности земли.

Правильно сказал этот хлюст про законников российских. Клейма на них ставить некуда. Вроде бы каждый из них честный и справедливый, а честности и справедливости в государстве российском как не было, так и нет. И ведь не по-

нимают они, что быдло, которое их так поддерживает, первое с вилами на них и бросится, чтобы урвать себе побольше от того, что они подгрести себе, пользуясь должностным положением. То чванство, с которым они относятся к людям и их требованиям, отоляется им той же монетой, что и отлилось последнему русскому царю, который плевать хотел на народ. Всё идёт по кругу. «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй». И вся жизнь наша в последнее время характеризуется коротко и ясно – пир во время чумы.

*В каждой крупной деревне в Сибири
Есть Париж, Амстердам и Берлин,
Разных храмов по три иль четыре
И искусств меценат армянин.*

*Здесь в соседях потомки Кучума
И кочевник кайсацкой степи,
Здесь китайцы с капустой без шума
Точат цепи своих бензопил.*

*Нашу нефть продают на валюту,
Богатеют Москва, Петербург,
А сибирскому бедному люду
Помогать как-то всё недосуг.*

*Производство сменилось торговлей,
Лучший танк в государстве один,*

*В переплавку – без всяких глаголей,
Сейчас рынок у нас господин.*

*Снова тонем в болоте застоя,
Власть себя назначает во власть,
Есть сейчас право выслушать стоя,
Что у нас на Руси благодать.*

– Пришлые они все, – строго сказала Клара Никаноровна, – в России себя хозяйчиками чувствуют, да только вот русский народ ещё не проснулся. А ведь как проснется, как закричит: «Меня будить?!?!» – да как пойдет крушить дубиной по сторонам, так тут уж не разберёшь, кто прав, а кто виноват. Всем достанется на орехи. И ведь не скоро он отойдет от своей злости, переломает всё, а потом будет думать, как это всё восстановить. Не везет России с царями. Как какого босяка во власть назначат, так он сразу на себя корону примеряет и все усилия его направлены только на то, как бы трон удержать пожизненно и власть никому не передавать по причине бессмертия, а если уж и передавать, то только по наследству...

– Ничего, Клара Никаноровна, – сказал я, – перетерпим и этих. Недолго им осталось панствовать. А что за двери спрятаны в амбаре?

Глава 9

– Ты смотри, какой сокол, – сказала хозяйка, – сразу нашёл то, что пряталось десятилетиями. А ты, девушка, – обратилась она к моей жене, – не вникай в эти дела, меньше знаешь, крепче спишь. Пусть мужики этими делами занимаются, это им сподручнее. Что за этими дверями, я сама не знаю, и тебе бы лучше не знать. Давайте будем обедать.

Во время обеда наша родственница не удержалась и рассказала, как её дед при ней закладывал досками эти двери. А потом взял слово, чтобы она забыла об этом и никому не говорила.

– О дверях я снова вспомнила, когда дед отдал мне ключи и приказал хранить их как зеницу ока, – рассказывала женщина, – если не будет верного человека, кому можно передать ключи, то утопи ключи где-нибудь в глубоком месте. Пусть всё потонет в омуте. И ты тоже подумай, примерять ли эти ключи к дверям. Может не стоит заглядывать в те тайны, которые не всем доступны. И вообще все тайны несут опасность их владельцам.

– Да я и не собираюсь, – согласился я, хотя какой-то исследовательский червячок уже зашевелился в моём сознании. Если уж и открою дверь, то буквально на минутку, одним глазком взгляну и сразу захлопну. Просто сравню и выясню, а зачем две двери на одной стене?

– Клара Никаноровна, – спросил я хозяйку, – а вы в Бога веруете?

– Как тебе сказать, племянничек, – задумалась старушка, – так чтобы вот так истово верить, ходить в подвязанном платочке, стоять на обеднях и вечернях, соблюдать посты этого я не делаю, но наличия Бога не отвергаю, зная, что из ничего ничего и получается. Должен быть какой-то толчок, мысль, материализованная мысль, созидание и Созидатель, от которого произошли все мы. Есть и антипод Его, который заставил поделиться функциями и правами, и не известно, кто из них более всемогущ и кто для человека более полезен, и кто из нас служит тому или другому. Смотри сам, сколько людей с чёрной душой демонстрируют свое расположение к Богу и сколько людей с чистыми помыслами чертыхаются на людей, стоящих со свечками в элитном храме и у кого из них на лбу синяки образовались от усердного прикладывания перстов. И самыми опасными для Веры являются неофиты, то есть новообращённые или люди ранее неверующие, а потом воцерковлённые. Эти, для того, чтобы показать свою набожность, могут пойти на такие меры, что самые верующие люди отшатнутся не только от них, но и от самого Бога. И вся наша жизнь строится не по Божеским законам. Везде черносотенцы и казаки, а для них виноватые всегда евреи и интеллигентные люди. В стране полное беззаконие в отношении тех, кто осмеливается высказать свое мнение. Не к добру всё это, ох, не к добру. Плохо это

кончится.

Я слушал Клару Никаноровну и удивлялся. В доме нет никаких источников информации, а она как будто каждый от телевизора не отходит или целый день в интернете сидит.

– Клара Никаноровна, – удивился я, – да откуда ты всё это знаешь?

– А люди ко мне иногда заходят, проведывают, а так как говорить-то особо не о чем, то они сразу выкладывают все новости, что где-то слышали, – сказала хозяйка, – а как только выговорятся, так сразу и уходят. Не с кем людям поговорить, некому душу открыть и облегчить её, высказав то, за что раньше расстреливали или по десять без права переписки давали. Скажут они, а потом ходят и мучаются, а правильно ли они сделали, а вдруг кто-то подслушал, а вдруг я кому-то донесу. Потом проходит время, видят они, что всё спокойно, никто их не арестовывает, вот они снова идут ко мне с очередной порцией новостей. Что-то и привирают, а в целом-то всё правильно. А я уж для себя ложь от правды отделяю. Ложь на помойку, а правду себе на уме. Было бы у нас в стране всё хорошо, то такие Морданы боялись бы нос свой совать в чужие дела, а когда у власти Морданы, то так и жди, что народ за вилы возьмётся да пойдёт Долины нищих крушить.

– Вы верите в то, что народ российский проснется? – спросил я. – Народу дали хлеба и зрелищ. Денег хватает на то, чтобы ноги не протянуть, какая-то как бы стабильность есть,

зачем ему что-то делать? Лучше пойти, купить бутылку, раздавить её с соседом, по пьяни подраться, семью погонять, утром проснулся и ничего не помнишь, голова светлая как луна.

– Честно говоря, мало верю, – сказала моя собеседница, – они будут ждать, когда кто-то начнёт, а потом и они присоединятся, чтобы портфели побольше получить. Всё будет так, как оно уже было. Когда власть договаривается с разными политическими силами, то всё решается бескровно. Возьмите хотя бы Англию. Там главной королева английская, которая как бы рулит, но не правит. Вернее, она как бы рулит, но не правит. У них даже в гимне поют: «Рули, Британия!». Правит там победившая партия, которая назначает премьера и премьер ходит отчитываться перед королевой. Вот нам бы так. Да только народ снова облапошат, одного царя поменяют на другого.

Да, не проста штучка моя новая тетка. Таковую не переговоришь и доводов против почти нет. Правду-матку режет. И все это знают и делают вид, что никто этого не знает, но все хотят сохранить свое место у корыта и будут хрюкать только «за».

*Есть на свете планета Россия
И живет там различный народ,
По легенде, он будет Мессия
И царям своим молится в рот.*

*В голос воеет, когда их хоронят,
Давит слабых, чтоб лик их узреть,
Потом ходит смотреть их в хоромы,
Торопясь в мавзолей на заре.*

*Новый царь и корона до смерти,
Снова Гений, Учитель, Уррра!!!
Удивляется мир весь, поверьте,
Как народу нужна мишура.*

*Ввели должность большую – преемник,
Исполняя российский Устав,
Старый царь будет рядом смиренно,
От огромной работы устав.*

*И народ наш ликует запоем,
И летают везде снегири,
Вот так мир у нас странно устроен:
Свои шапки сменили цари.*

– Ты посмотри, племянничек, что делается в мире, – продолжала моя новая родственница-оракульша, – и по каким признакам оценивают государство. Французы хвастаются своими артистами и музеями. Да, есть у них ещё «ситроён», «пежуот» и «ренаульт». Немцы – точностью, пунктуальностью, немецким качеством и педантизмом. Англичане – все сплошь роялисты и любители своего фэйф-о-клок. У американцев американский образ жизни, комфортные автомо-

били, кукольные артисты, кукольные индивидуальные домики, респектабельные конгрессмены, нобелевские лауреаты, американские ценности и американская военная мощь, перед которой ещё никто не устоял. Даже СССР рухнул, надорвавшись. А что Россия может представить нынешнему миру? Чем может похвастаться? Нефть и газ? Но это продукты не рукотворные, а сверху данные, и они не вечные и имеют привычку заканчиваться. Нобелевскими лауреатами, выступавшими против СССР? Экономическим крахом? Политическими заключёнными? Черносотенцами? Министром обороны, торговавшим табуретками? Президентом, который с длинным носом летает на дельтаплане со стерхами? Да в любой стране такой вылет первого лица был бы его последним вылетом. У тебя на первом плане должны быть интересы государства, а ты хрен знает где стерхуильствуешь. Вот и стерхуильствуй себе на свободе.

– Клара Никаноровна, – сказал я, окончательно перейдя на «ты», – да ты знаешь, что тебе будет за такие слова?

– А что мне будет, старухе? – сказала она с иронией. – Меня расстреляют? Пусть они сначала решат, как будет стрелять в меня: прямо в инвалидном кресле или всё-таки вытащат из него и прибьют к стенке?

Я слушал её и думал о том, что новое поколение дзержинцев-бериевцев найдет способ, как расстрелять эту еле двигающуюся старуху и вместе с ней всех её родственников, чтобы не передавали другим людям то, что говорила она, не читая

газет и не слушая радио с телевидением. Молодежь переплюнет своих учителей. Беззаконие рождает ещё большее беззаконие и начинается то, что даже властитель потустороннего мира называет чертовщиной.

Глава 10

Дни шли за днями. Мы изредка навещали нашу городскую квартиру, ездили по магазинам, закупая продукты, и старались, чтобы жизнь у Клары Никаноровны была весёлой и более лёгкой.

Дом я привёл в порядок, поправил ступеньки, крыльцо, укрепил калитки и ворота, закрепил скрипящие половицы, разобрал книги и записки деда хозяйки, но вот информации о нём никак не мог собрать. Какой-то заколдованный круг. Можно написать запрос в органы ВЧК-НКВД-ФСБ, так, мол, и так, интересуюсь личностью своего родственника по фамилии Олигерьев, что можете сказать о нём? И тут же вы попадаете в поле зрения этих органов и они начинают выяснять, а кто ты такой и чем обусловлен этот интерес. Потом доберутся до дверей, откроют их и найдут либо корзину пиндюлей, либо сокровище, либо чудо чудное. Так что, будем читать записки и выяснять, что это может быть. Все мы следователи-исследователи, что-нибудь да поймём.

Нужно сказать, что я мало чего понял из тех листочков, что лежали навалом в маленькой папочке. То ли это какие-то заметки, то ли ошмётки докладов, которые писал дедушка Клары Никаноровны. Системы я не обнаружил, похоже, что каждый лист это часть отдельного документа.

Итак, начну.

«в ночное небо к звездам было запущено пятьдесят двадцатиметровых верёвок пенькового плетения. Вес ста метров верёвки диаметром семнадцать миллиметров двадцать килограммов и восемьсот грамм. Всего весом двести четыре килограмма, для чего был использован переносной ворот. Вначале было запущено сто метров. Температура и состав веревки в течение часа не изменился. Каких-либо запахов тоже не отмечалось. Каких либо подергиваний, типа поклевки, замечено не было. Следовательно – никого и ничего там нет. В течение девяти часов мы произвели полный запуск веревки, предварительно прочно связав концы и обмотав их льняным шпагатом. На следующий день нами был запущен помощник, привязанный к сырмятной петле, могущей выдержать жеребёнка-двухлетка. На пяти веревках мы услышали крики и выстрелы, и поэтому смотали веревку, вытащив помощника. Он сказал, что очень сильно испугался, так как видел каких-то людей или чьи-то тени, которые явно угрожали ему. Чего-то вразумительного от помощника добиться не удалось, хотя он вроде бы воевал в империалистическую войну и в гражданской войне был в разведке. Второй помощник категорически отказался участвовать в практическом исследовании звёздного неба. Учитывая данное положение, мне пришлось самому исследовать окно, открывшееся нашему взору совершенно случайно. От моих малонадежных помощников была взята расписка о том, что если они бросят верёвку и не будут исполнять мои приказания, то к ним будет

применена высшая мера социальной защиты. Я очень рисковал, так как понимал, что моя угроза может остаться пустым предупреждением, если они бросят веревку и скажут, что ничего не видели и ничего не знают, поэтому я сделал перерыв и сделал вид, что написал и отправил в управление рапорт, который будет пущен в ход в случае моего исчезновения. В этом деле никому доверять нельзя и никакая коммунистическая сознательность не сможет победить измененные человеческие чувства. Крепко обвязавшись и проверив соединение веревок, я потихоньку стал опускаться на звездное небо. Как человек входит в темную и неизвестную комнату, не зная, что может его ожидать там, так и я опускался на мерцающие звезды, не зная, есть ли где-то твердь или в конце веревки, когда вес веревки станет на семьдесят килограммов больше, может сломаться ворот, а могут и лопнуть соединения концов веревок, и тогда я полечу в бездну. А твердь почувствовалась на середине четвертой веревки...»

Какая-то ерунда написана. Такого вообще быть не может, но ведь чекисты никогда не писали фантастику, зато занимались исследованием таких странных случаев, которые сейчас бы свидетельствовали о реальных контактах первого и второго рода с инопланетными обитателями.

Глава 11

«крошечная темнота освещалась блеском звёзд, но звёзды светили не сверху, а снизу. Тогда получается, что твердь находится вверху, а я стою головой вниз и почему-то не падаю, но я же чувствую, что стою вертикально и не падаю вниз, потому что это я внизу, подчиняясь земному тяготению, которое держит нас на этой земле. Земное тяготение сродни патриотизму. Когда чувство патриотизма уменьшается, то человек уезжает за границу в эмиграцию. А если человеку на родине грозит смертная казнь только потому, что он не приемлет происходящих изменений, то здесь чувство патриотизма совершенно не влияет на эмиграцию, так как в дело вступает чувство самосохранения. Следовательно, это чувство самосохранения должно удерживать человека от вмешательства в природу и состояние нашего земного шара, чтобы не нарушить чувство земного притяжения и чтобы мы не улетели в эмиграцию на другие планеты. Иногда мне кажется, что моё путешествие очень сильно повлияло на моё психическое состояние, уменьшив веру в вождей и выдвигаемые им теории. Я всегда думаю, что если бы варвары не разрушили Рим, то могла бы произойти римская Великая пролетарская революция, которая бы покончила с рабством и превратила Рим в государство, подобное Северо-Американским штатам, старающимся преодолеть остатки рабства

и расовой сегрегации. Не было бы тогда никакого Папы Римского и не было бы никакого христианства. Не было бы и Византии, перекинувшей свое православие России. В России всегда было свое отношение к высшим силам, и оно было бы такое же и сейчас. Весь мир был бы устроен по-другому. Все говорят о великой роли христианства в просвещении людей. А что, до христианства люди были неграмотными и глупыми? Христианству досталась развитая наука и культура, но христианство уничтожило всё, что попало в его руки, и после веков темноты и инквизиции, уничтожавшей всё живое, началась эпоха Ренессанса, потому что все поняли, что ещё год-два и начнётся стремительное скатывание человека к первобытному человеку, умеющему мычать, жрать, убивать и плодиться там, где он найдет самку. Это резюмирующая часть любой религии, даже той, которая как бы трактует невмешательство в дела человека и непричинение ему вреда, я имею в виду буддизм и зороастризм. С течением времени эти религии тоже станут тоталитарными и будут уводить людей от прогресса в тьму и невежество, потому что так легче управлять людьми. Нынешняя церковь стала подстраиваться под прогресс, говоря, что научные исследования были predeterminedены Создателем. Да, Создатель это predeterminedил, но он не определял создание религий и воспитание религиозников. Вполне возможно, что Создатель предполагал, что созданные им существа пойдут ещё дальше и будут создавать себе подобных на других планетах, заселяя безжизнен-

ные планеты Млечного пути...»

Записки были написаны где-то в пятидесятые годы и вообще в то время уровень атеизма в стране был достаточно высок. Не то, что в наше время, где руководящую роль правящей партии хотят заменить руководящей ролью православной церкви, таким христианским талибаном, который развяжет идеологическую чистку в стране.

«за огромным столом сидели люди, которых я вообще не знал, но судя по тому, что они там говорили, они мне были знакомы. Я потихоньку записывал тех, кто там был и вот такой списочек у меня получился. Одни князья и княгини. И как они здесь оказались? И почему все вместе? Во главе стола сидели князь Варяжский Белозерский Синеус и князь Варяжский Изборский Трувор. Рядышком княгиня Ольга и князь Игорь. Князь Святослав и убиенный им Глеб. Князь Ярополк и убиенный им князь Древлянский Олег. Князья Владимир и Святополк Окаянный. Князья Ярослав, Изяслав и Всеволод. Ещё один князь Святополк и князь Владимир Мономах. Да это же весь сонм князей русских. С начала самого и до конца. Вот и Дмитрий Донской. А вот и князь Василий Тёмный с повязкой на глазах. И князь великий Иван Васильевич по счету четвертый, которого называли Грозным. А рядом князь Федор Иоаннович, Борис Годунов и Василий Шуйский. А вот и первый Михаил Романов. А в уголке и Алексей Михайлович Тишайший. Здоровенный царь Петр с кучей родственников, в которой особняком сидит же-

на его Екатерина Первая, Скавронская. А затем Елизавета, Анна Иоанновна, ещё Екатерина. Цари Павел, Александр, Николай, ещё Александр, ещё Александр, Николай последний. И в окружении больших свит Ленин, Сталин, Хрущев. А вот эти совсем какие-то неизвестные, но со свитами Брежнев, помнится в Молдавии был партийный секретарь с такой фамилией, Горбачев, Ельцин и какой-то подполковник КГБ по фамилии Букин. Компания вся большая, шумят и шумят. Кто-то и чего-то предлагает, а его то на смех поднимут, то рот заткнут, типа, ты зачем княжичей погубил. Список этот нужно держать подальше, потому что неестественно это собрание. Как в этой компании могли оказаться кто-то помимо Хрущева, ведь он до сих пор Первый секретарь компартии и активно разоблачает преступления его предшественника Сталина. Нужно списочек припрятать, а потом сравнить, всё ли правильно там прописано. Или это всё галлюцинации от постоянного стояния на голове».

Такое ощущение, что кто-то специально собирал всех правителей России воедино, как в коллекцию, как в коробку, где они могли бы кричать и шуметь по поводу неумения своих предшественников управлять Россией, но не имели никаких реальных возможностей влиять на неё.

«с превеликим трудом я нашел свою веревку и побежал к ней только потому, что кто-то из князей сказал, что нужно с факелами осмотреть всё вокруг, потому что чудится ему, что глядят за ними глаза соглядатаев. В это время я

и побежал. Твердь подо мной была мягкая. Именно мягкая, а твердь это потому, что я не проваливался в ней. Схватившись за веревку, я привязался к ней и стал дергать. По идее, если я стою головой вниз, то веревка меня должна тащить вниз, но она потянула меня вверх. Значит, всё было так, как оно и было. Я смотрел вниз и видел, как удалялись звезды. Мои помощники сказали, что меня не было шесть часов и они уже не надеялись меня увидеть. Я им сказал, что ничего там нет и зря мы потеряли время».

Глава 12

«Уважаемый товарищ начальник областного управления КГБ при СМ СССР полковник Иванов В. М.

Глубокоуважаемый товарищ начальник областного управления КГБ при СМ СССР полковник Иванов В. М.

Уважаемый товарищ полковник Иванов В. М., начальник областного управления КГБ при СМ СССР

Глубокоуважаемый товарищ полковник Иванов В. М., начальник областного управления КГБ при СМ СССР

Областное управление КГБ при СМ СССР

Уважаемый товарищ полковник Иванов В. М.

Глубокоуважаемый товарищ полковник Иванов В. М.

Начальнику областного управления КГБ при СМ СССР полковнику Иванову В. М.

Ваше превосходительство!

Милостивый сударь!

Сообщаю...

Информирую...

Считаю своим долгом сообщить...

Считаю своим долгом проинформировать...

Как патриот советского государства...

Источник сообщает...

Засим остаюсь с уважением...

С уважением...

Верный сын партии и народа...

Орденосец и старший оперуполномоченный по особо важным делам...

Старший оперуполномоченный по особо важным делам и орденосец...

Старший майор и старший оперуполномоченный по особо важным делам...

Старший оперуполномоченный по особо важным делам и старший майор государственной безопасности...»

«Проведённые исследования мест, относящихся к предполагаемым порталам перехода в другое измерение, показали полное превосходство марксистско-ленинской методологии и практики над идеалистическими и ненаучными теориями о существовании загробного мира в виде Рая или Ада.

Полагаю, что для дела построения социализма и коммунизма в отдельно взятой стране нам необходимо начать массовую подготовку прорицателей славного марксистско-ленинского будущего и гипнотизеров, которые могли бы непосредственно внушать неверующим картинку прекрасного будущего.

В связи с этим предлагается внести корректировки в программу подготовки офицеров-политработников для армии и пропагандистов широкого профиля в академиях марксизма-ленинизма при областных и краевых комитетах партии».

«для опускания веревок к солнцу было приготовлено их пятьдесят штук по двадцать метров. То есть было использо-

вано имущество и техника, которая была использована для подъёма к звёздам. Кроме того, были приготовлены очки с тёмным покрытием, которое используется летчиками для полетов против солнца. Кроме того, было использовано брезентовое обмундирование военнослужащего пожарной части министерства по охране общественного порядка СССР. Предварительное опускание веревок не показало сильного воздействия высоких температур на растительную основу веревок. Проведение эксперимента я взял на себя как наиболее опытный и подготовленный исследователь, который умеет делать выводы и сохранять военную и государственную тайну. При спуске к солнцу твердь появилась в конце пятой верёвки. Свет был яркий, но не настолько, чтобы ничего не видеть, поэтому солнцезащитное приспособление было снято. Вокруг никого не было. Встретилась грязно матерящаяся пожилая женщина с распущенными волосами и в коротком платье, оголяющем толстые ноги. Спросила, кто я такой и есть ли чего-нибудь курить. Сказала что она примадонна номер один и директор фабрики звёзд, и зовут ее Алла Мугачёва. Сюда ее устроил какой-то мудака, запросив за это миллион долларов. По виду чёрт чёртом, а держался как настоящий полковник.

– И что здесь хорошего? – спросила меня Мугачёва. – Ни хрена нет, ни казино, ни ресторанов, в тусовке одни мымры, которые в думе дурацкие законы писали. Предлагали создать здесь русскую фракцию женщин, чтобы навтыкать на-

чальникам по первое число за то, что много ходит лесбиянок, геев, бисексуалов и трансексуалов. А ещё говорили, что это Рай. Да я бы с удовольствием жила в Аду, а отпуск проводила здесь – в Раю.

Я смотрел на неё и не мог понять, откуда берутся такие женщины. Неужели она из далёкого прошлого времён Древнего Рима, когда женщины были не только жёнами, но и гетерами, соблазнявшие своим поведением и одежаниями состоятельных и влиятельных патрициев.

Двое усатых мужчин ходили с плакатом «Мы – Пихалковы! Пишем гимны и сценарии, требуем особого почёта и уважения». Но, вероятно, то место, куда я попал, было обыкновенным коммунистическим обществом, где все равны и всем всё дается столько, сколько даётся твоему соседу. То есть, ты можешь нагрести себе пять кулей картошки, и у твоего соседа тоже будет пять кулей картошки. Но, похоже, им картошка совершенно не нужна, так как они питаются Святым духом и вся эта пища является духовной. Икон нигде не было, ни одного храма и ни одного священника, чтобы не испортить райскую жизнь...»

Я читал это и никак не мог понять, то ли это записки сумасшедшего, то ли я попал в какую-то секту, которая заманила меня дарственной на дом и заставит проводить эксперименты над людьми или будет поить чаем с наркотиками, чтобы мой бред выдавать за откровения, наваянные теми, кто находится Там.

И второе. Как можно в шестидесятые годы писать о том, что в Раю находятся Пихалковы и Мугачёва, которые в то время были в добром здравии и никуда особенно не собирались, разве что в гастроль на Запад за шмутками, а Пихалков не грёб деньги лопатой со всех сторон, докуда доставал?

Глава 13

Аккуратно сложив бумаги и проложив свою закладку между читанным и нечитанным, я пошёл в общую залу-гостиную на обед. У нас в семье обедают практически в одно и то же время, поэтому я не стал ждать приглашения.

Стол был уже накрыт и, сполоснув руки под краном, я сел за стол. Обед без борща или какого-нибудь супа это не обед, а так поедание продуктов, которые отяжелят ваш желудок и могут привести к несварению продуктов.

– Клара Никаноровна, – спросил я, – а дедушка ваш не наблюдал в медицинских учреждениях по поводу психических заболеваний?

– Нет, не наблюдался, – рассмеялась старушка, – но все говорили, что он невозможный фантазёр и ему следовало бы заняться написанием фантастических романов и получать за это большие деньги. А дедушка был человек мудрый и в споры ни с кем не вступал, пытаюсь доказать правоту. У нас ведь в России как? Если человек доказывает, что он нормальный человек, то это считается признаком ненормальности и человека подвергают принудительному лечению. И чем активнее он это доказывает, тем дольше он находится в психушке и тем более жестокие приёмы «лечения» к нему применяют. А точно так же и в судах наших. Напишут на человека донос, а человек пытается доказать свою

невинность. И чем активнее он доказывает свою невинность, тем больший срок ему дают. Иногда даже и расстреливают за это. А потом, когда всё выясняется, то про расстрелянного говорят: эка, дурак какой был, признал бы вину, коленкой в грудь постучал, раскаялся бы притворно, получил бы небольшой срок и сейчас гулял на свободе как бы с чистой совестью, а так вот до стенки допрыгался. Глупый человек. Дедушка ещё говорил, что каждому человеку нужно знать, как ходить по подвесным мостам и преодолевать болота. Очень, – говорил, – нужное занятие в наше время. Да вот, у меня даже его инструкции писанные остались. Перед смертью всё меня чему-то учил. Я тебе после обеда эти бумажки-то и отдам.

После обеда она вручила мне листов десять писчей бумаги, исписанной уже знакомым мне почерком. Всё-таки, раньше, то есть до революции и примерно лет пятьдесят после революции в России сохранялся такой предмет как чистописание. Дети писали по прописям, выписывая по образцам красивые буквы и совершенствуя свой почерк, который может прочитать даже неграмотный человек и провизоры в аптеках не мучились с расшифровкой лекарственных рецептов.

Я сел на диван и стал читать. Это действительно были рекомендации по преодолению естественных и искусственных препятствий.

«Если вам приснится, что вы ходите по болоту или топким местам – это обозначает неблагоприятные обстоятельства,

призрачное наследство, разочарование в сердечных делах; встретить чистые лужицы и зелёные кочки на болоте – удача; оказаться посреди болота – неспособность исполнить свой долг; видеть других людей в болоте – огорчение от близких людей. Этот сон может предвещать болезнь. Гнилое болото – богатство; увязнуть в болоте – обман; тонуть – неудача, большая ошибка, опасное дело; болотной тропкой идти – препятствие в делах, поклеп, сплетни; болото возникнет на месте поля – голод будет, родственник помрет; ходить по топкому болоту – жди болезни, чужие неприятности; упасть в болото – неприятности.

Болото – это участок суши с избыточным застойным увлажнением грунта, заросший влаголюбивой растительностью.

Болота бывают низинные и верховые.

Низинные встречаются в поймах рек и ручьев, также образуются за счет зарастания водоёмов, питаются в основном грунтовыми и поверхностными водами. Они наиболее опасны и труднопроходимы.

Верховые (моховые) питаются за счет атмосферных осадков, образуются в результате эволюции низинных болот, но могут встречаться и на водоразделах.

Некоторые виды болот являются самыми экологически чистыми местами.

Нужно сразу и на глаз определить проходимость болота по следующим признакам.

Проходимое болото:

- его покрывают густые травы попеременно с осокой;
- на болоте видна поросль сосны;
- болото покрыто сплошной порослью мха и толстым слоем очесов старого, разложившегося мха.

Труднопроходимое:

- среди мха попадаются частые лужицы застойной воды;
- на болоте растет пушица – трава, на которой после цветения остаются, головки пуха;
- болото поросло густым кустарником, ивой, ольхой, елью или березой.

Непроходимое:

- покрыто камышом;
- по болоту плавают травяной покров;
- травяной покров полностью отсутствует.

При передвижении по болоту нужно иметь с собой шест и плетёные болотоступы. Главное правило – никогда не спешить и не стоять долго на одном месте.

Путь безопаснее прокладывать по кочкам, около кустов и стволов деревьев, при ходьбе по кочкам ногу ставить по середине, плавно перешагивать, опираясь на шест. Нужно наступать на корни, как можно ближе к стволу. Перепрыгивать с кочки на кочку категорически нельзя.

Большую опасность представляют озера, заросшие торфяно-растительным покровом, под которым находится вода. Это первая стадия развития низинного болота. Такие озе-

ра нередко имеют глубокие водоёмы-окна, сверху затянутые плавающими растениями и травой. Проваливаешься в них сразу и глубоко. Если земля вокруг пойдет ходуном и волнами, то вы вступили на сплавину. Чем быстрее и сильнее волны, тем тоньше сплавина.

Если при остановке вокруг вас начнет собираться вода, значит сплавина тонка и скоро прорвется. Совет старый – не делать резких движений и не стоять на месте.

По возможности нужно прощупать перед собой почву шестом. Следует избегать участков, вообще лишённых растительности, даже если на вид кажется, что поверхность земли сухая и твердая.

Если провалились быстро и глубоко, то, скорее всего, вы прорвали сплавину и провалились в озеро. Ничего страшного, можно выплыть, если освободиться от груза, который несете.

Верховые болота имеют форму шапки, центр болота бывает выше на несколько метров. Наиболее опасны окрайки верховых болот, то есть вход и выход на болото. Но даже в центральной части верхового болота могут встречаться мочажины (окна). Их обязательно нужно обходить стороной.

Сам вид болот очень обманчив. Иногда тонкий поверхностный слой неглубок и лежит на твердом грунте. А, бывает, что поверхность, которая кажется прочной, может не оказать сопротивления ногам.

При передвижении по болоту нужно держаться ближе

к деревьям. Если есть возможность, то заболоченные участки лучше обойти стороной. Если со всех сторон плохо, нужно рубить ветки и тонкие деревья и бросать их друг на друга крест-накрест. Так можно пройти любое болото.

Если вы всё-таки провалились, нужно лечь на спину, принять горизонтальное положение, освободиться от груза и начинать выбираться.

Главное – не поддаваться панике и не делать резких движений. Нужно медленно выползать, опираясь на шест и дотягиваться до кустов или деревьев. Если они вырываются с корнем, всё равно их нужно подтаскивать под себя. Если ваши сапоги утонули, то нужно выскочить из них. Лучше быть без сапог на сухом грунте, чем в сапогах, но в болоте».

Глава 14

Информация интересная, но зачем она мне? И ещё более важно, а зачем она вам? Вы что, собрались прогуляться по болотам? Захотелось развеять тоску? Так для этого очень много других способов.

Хотя, в середине семидесятых годов мне довелось побывать на Вологодских болотах. Они тянутся от Вологды до самого Питера. Огромнейшие болота и неиссякаемый источник чистой воды.

Вода кристальная. Опускаешь руки в мох и ладони заполняются чистой водой. Пьешь ее и думаешь, что ни в каком водопроводе не бывает такой вкусной и полезной для организма воды.

Болото покрыто бугорками растительности с порослью сосны. Именно поросль, маленькие засохшие стволы сосны длиной в полтора-два метра. Движение идет от бугорка к бугорку по вибрирующей под тобой поверхности, в которую ты погружаешься по колено и ещё чуть больше. У проводника обязательная палка более двух метров длиной, да он и так все дороги там знает, не заблудится. Зато по осени на этих бугорках море вологодской клюквы, кислой и в тоже время вкусной, в которой витамины так и пищат.

На этом болоте ты не пропадешь от жажды и от голода. Всюду видны маленькие озерца, в которых вода имеет как бы

черный цвет, но когда зачерпываешь ее руками, то она такая же чистая и прозрачная, как в любом другом месте этого болота.

Для выживания в болоте нужна маленькая мормышка и кусок лески. Из высохшей сосенки делается удочка. Забрасываешь мормышку в маленькое озерцо и через несколько секунд поклевка – черный болотный окунь. Затем ловля идет на окупёвый глаз. Десяти минут достаточно для того, чтобы наловить рыбы на хорошую уху. На пригорке разводится костер и готовится аппетитная и наваристая похлебка.

Но в толще болота живет свирепый и кровожадный хищник. Он утаскивает путников на дно, а кого утащить не может, отрывает что-нибудь.

На моих глазах члену нашей экспедиции оторвало половину ноги. Мы еле смогли спасти молодого человека, а зловещие щупальца неоднократно появлялись тут и там, отмечая маршрут нашей группы.

Мы приготовили мутовки из маленьких засохших сосенок и бросали этим щупальцам. Крик боли и ненависти слышался из-под толщи воды и мха, пока мы не вышли на твердую землю.

Вы, наверное, не знаете, что такое мутовка? Мутовчатость это характеристика растения, когда на одной оси ствола расположено три или четыре ветки. Сосна как раз относится к таким видам. А вообще, мутовка это такая палочка, обрезанная по оси расположения веток, которые подрезаны

и удобны для взбивания сливок до тех пор, пока они не превратятся в масло. На наших мутовках ветки были длинными и острозаточенными.

Не волнуйтесь. Этого не было. Это я так, для любителей всяких страшилок сочинил. Чем больше живность, тем меньше тварь, поедающая ее. Самые большие динозавры питались травкой, а их поедали маленькие динозаврики. И всех вместе поедали самые опасные хищники – вирусы и микробы.

«движение по качающимся мосткам не совсем приятное дело, как это кажется со стороны. Мы прекрасно понимаем, что удержание равновесия зависит от постоянных тренировок как вестибулярного аппарата человека, так и от привычного сокращения мышц, обеспечивающих устойчивость человека, а если человек знает, что непроизвольное падение приведет к трагическим последствиям, то это ещё более усугубляет дело. Раскачивание мостков совершенно недопустимо, так как оно грозит нарушением самой конструкции. Мостки это как способ передвижения по реке Стикс, наполненной разными чудовищами, старающимися ухватить то, что осталось от той, брэнной жизни появляющихся здесь людей. Второе, что нужно учитывать при преодолении определенного расстояния. Там, где нет поручней, там есть сходы, но сходи нужно нести с собой. По моему разумению, каждая перекладина являет собой четверть, а половина четверти равна двенадцати с половиной, но мостки нужно закреплять

так, чтобы их не унесло, потому что тогда можно навсегда остаться там, где ты бы не хотел находиться».

Что это написано, я совершенно не понял. Что такое Стикс, я знаю. Если кто-то заинтересуется, то может посмотреть в энциклопедии, но это всё сказки и в реальной жизни этого быть не может потому, потому что этого быть не может.

Глава 15

Два дня меня не было. Пригласили на встречу литераторов. Обещали, что приедет президент. Все улицы перекрыли, на всех чердаках снайперы поблескивают оптическими прицелами и белыми зубами, людей обыскивают, машины идут в объезд, одним словом – введено военное положение в окрестностях того места, куда собирают литераторов и близких к ним людей для того, чтобы послушать, что им скажут. Решил не ходить. Думаю, и без меня обойдутся. Что такое встреча литераторов или поэтов? Даже определить трудно. Что, я буду с кем-то обсуждать свои творческие замыслы? Фига с два. Со мной кто-то будет обсуждать их творческие замыслы? Тоже фига с два. Кто-то из приближённых стихами своими похвастается. Вот так вот, вас не печатают, а у меня каждое слово в печать. Вот пусть он со своим печатным словом сидит и внимает царским указаниям. Уехал домой. То есть в свой старый дом. Один дома побуду. Тишина, покой, можно полежать на диване и обдумать то, что я хочу написать. А что я собирался писать? Совсем забыл с этим новым домом и записками сумасшедшего деда.

Диван всегда был врагом и другом писателя. Любого. Стоит только лечь на диван, как сразу приходят разные мысли о том, как лучше описать тот или иной сюжет. Нормальный человек должен вскочить с дивана и записать всё на бумаге,

а затем продолжить созерцание потолка над диваном. Но это нормальный писатель, а все остальные писатели ненормальные, потому что иногда такое напишут, что волосы дыбом встают, а когда конкретному писателю нужно встать и записать умную мысль, он спокойно лежит в горизонтальном положении, блаженно думая о том, что ещё несколько минут и он всё запишет, а глаза тяжелеют, веки слипаются и он засыпает. И самое главное, когда он проснется, он никогда не вспомнит того, что пришло ему в голову на мягком диване.

Мои глаза тоже начали закрываться и в самый сладкий момент раздался резкий телефонный звонок.

– Кому не спится в ночь глухую? – раздражённо подумал я, встав с дивана и подходя к телефону. – Слушаю вас.

– Олег Васильевич? – раздался в трубке приятный мужской голос. Надеюсь и вы догадались, кто мне звонил домой. Их там в высших школах и на высших курсах, вероятно, обучают такому голосу, который должен расположить собеседника, и не только расположить его, но и завербовать на слежку за своим лучшим другом или руководителем и при этом не чувствовать угрызений совести, а быть уверенным, что ты выполняешь самое важное в жизни задание по обеспечению безопасности Великой родины. – Вы не могли бы сегодня захватить к нам, часиков так в пять, вернее в семнадцать часов ровно, а то один товарищ заявился к нам пять часов утра. Так и сказал, что вы меня пригласили в пять часов и я при-

шел в пять часов.

– А что за вопрос? – спросил я, своим вопросом подразумевая, что приду обязательно.

– Ничего страшного, – ответил мой собеседник, – просто нужно уточнить некоторые детали.

– Сухари и белье с собой брать? – попытался я сосричь, намекая на то, что в нашей стране от сумы и от тюрьмы не зарекаются и то, что мы до сих пор не в тюрьме, это не наша законопослушность, а просто недоработка компетентных органов.

– Как хотите, – спокойно сказал голос, – у нас у каждого под столом стоит тревожный чемоданчик, вдруг придется срочно куда-то уезжать...

– У вас, наверное, каждому определена страна и куплены билеты? – задал я оппозиционный вопрос.

– До пяти часов, – сказал голос в трубке и что-то шелкнуло.

Я их понимаю. Если они будут честно выполнять свой долг и исполнять все приказы командиров и начальников по подавлению своих соотечественников, протестующих против нечестных выборов и не имеющих другой возможности выразить свое мнение и отношение к политике руководства, то на следующем «нюрнберге» им придется отвечать на вопрос, что их подвигло исполнять преступные приказы. Если они не будут исполнять свой долг, то их посадят рядом с уже посаженными ими оппозиционерами и они будут смот-

реть друг на друга как кошка на собаку, по какой-то причине попавшие в одну клетку. И во всём будет виновато начальство, которое не собирается слушать народ и делать всё для народа. В проигрыше останемся мы и они, как представители народа, а начальники всегда будут наплаву. Ворон ворону глаз не выклюнет.

Глава 16

На входе в управление федеральной службы безопасности меня встретил молодой человек, представившийся Никодимом. Мода на русские имена идёт волнами и этот сотрудник как раз и родился на этой волне. Когда я слышу такие имена, мне всегда вспоминаются бессмертные строчки поэта Безыменского: «И в очередь пятым – по списку шестым – к нему подошёл лейтенант Кербештым».

В управлении был сделан евроремонт. Старинные коридоры с современной отделкой. По этим коридорам водили жертв сталинских репрессий, и сейчас по ним ходят потенциальные жертвы и потенциальные правоприменители, мягко говоря.

Несмотря на отделку коридоров, обстановка в кабинетах как была, так и осталась со времён незабвенных товарищей Ежова и Берии. То тут, то там, оставались массивные, сделанные навека раритетные вещи с жестяными бирками «ХОЗУ ОГПУ-НКВД». По небольшому следу у оконной рамы было видно, что на уровне полутора метров от пола ещё недавно были деревянные панели, модные в кабинетах НКВД. Для чего они делались, одному Дзержинскому известно, но, вероятно, для того, чтобы не было разноцветных брызг на побелённых стенах.

Я помню одного молодого человека, генеральского сын-

ка, который окончил высшую школу этого заведения, так тот на звонки отвечал бодрым голосом: «Отдел расстрелов КГБ слушает». Несмотря на блат, молодого человека направили на медицинскую проверку, а точнее на медицинскую экспертизу, которая признала его шизофреником с диагнозом вялотекущая шизофрения. То есть, человек вроде бы и нормальный, но постоянные мелкие отклонения могут превратиться в одно большое отклонение, особенно если такой человек получает высокий пост, снимающий все тормоза в поведении и в желаниях.

– Присаживайтесь, Олег Васильевич, – любезно пригласил Никодим. Подследственным всегда говорят – садитесь, а не подследственным – присаживайтесь, следуя неписаному правилу, что насидеться они всегда ещё успеют. – Мы пригласили вас, чтобы уточнить некоторые детали, – и он сделал паузу, чтобы посмотреть на мою реакцию. Иногда во время таких пауз на людей налетает словесный понос и они начинают выкладывать то, что вообще не относится к делу. То есть, не относится к этому делу, но вполне относится к следующему делу. – Вы, как бы это сказать, породнились с семьёй нашего бывшего и очень уважаемого сотрудника и стали, как бы это сказать, членом нашей спянной чекистской семьи. Поэтому, мы хотели посмотреть на доказательства вашей родственной связи, как бы это сказать, посмотреть на ваше генеалогическое дерево и посмотреть, в каком колене пересекаются их ветви. Вот, так сказать, и цель нашей встречи.

– Кто в наши века знает своих родственников по четвертое или пятое колено? – риторически ответил я вопросом на вопрос. – Даже в советские времена при заполнениях множества анкет указывались только мать, отец, братья, сестры, жена и свои дети, а тут при разветвлении одного семечка на множество побегов доказать достоверно и документально очень трудно и даже, можно сказать, невозможно. Если бы удалось достать генетический материал Адама и Евы, то можно было проследить, какие роды идут от кого. Так же и у меня. Я даже деда по отцу ни разу не видел, он умер в одна тысяча девятьсот сорок четвертом году, а я родился через пять лет после войны. Вот, и что я могу сказать про своего деда? Ничего. Точно так же мы что-то знаем по изустным сказаниям родственников. А если вы считаете Клару Никаноровну членом своей семьи, то вероятно знаете, что рассказы о нашем родстве она подтвердила генетическим анализом, который показал наше с ней близкое родство. Если исходить из того, что генетика – продажная девка империализма, а величайший генетик академик Вавилов валялся обоссанный и испинатый кирзовым сапогами где-то в одном из этих кабинетов, то вы можете не поверить генетическим бредням специалистов, и вот тут мне сказать совершенно нечего, потому что доказательств совершенно нет никаких.

– Ну что вы так неприязненно относитесь к нашим органам, – мягко пожурил меня Никодим, – вы знаете, сколько чекистов отдали свою жизнь на фронте?

– Если сравнивать это количество с количеством ими расстрелянных людей, то эта цифра очень маленькая, – не удержался я. Как они не понимают, что геноцид собственного народа никогда не будет забыт. И до тех пор, покуда имена Дзержинского, Берии, Ежова не будут вытравлены серной кислотой из деятельности органов, призванных защищать государственную безопасность и Конституцию, отношение к ним не изменится ни сейчас, ни через сто, ни через двести лет, как бы они не пытались уничтожить архивные документы, засекретить всё и вся и писать душещипательные романы про Штирлицев и Штюбингов. – Положительное было тогда, когда ВЧК во главе с Дзержинским боролось с беспризорностью, а сегодня беспризорников в нашей стране больше, чем после гражданской войны. Детские дома растут как грибы после дождя. Почему?

– Согласен, что вас не переспорить, да у меня и не было такой задачи, – миролюбиво согласился Никодим, хотя было видно, что он со мной не согласен, но продолжение разговора об этом обязательно вывело бы нас на тему Катынского расстрела. – Я просто хотел поинтересоваться, не находили ли вы что-то такое, что могло показаться вам странным и относиться к вопросам государственной безопасности, может, какие-то документы, предметы и всё такое прочее, что можно было причислить к понятию артефакты.

– А что за артефакты могут быть у старичков? – спросил я, потому что и сам вопрос был странный. – Может, маузер,

из которого стрелял товарищ Дзержинский?

– Ну вот, вы всё ёрничаете, – обиделся Никодим, – а вопрос действительно серьёзный, – он понизил голос и оглянулся по сторонам, – наше руководство стало верить в загробную и параллельную жизнь, – сказал он, приглушив голос поднесённой ко рту ладонью.

Глава 17

Ничего себе. Открыл мне секрет полишинеля. Да об этом вся страна знает. Целый телеканал вещает о загробной жизни, туда даже расшифрованную разведчицу устроили, чтобы повисить значимость этих сведений. Колдуны, целители, прорицатели, шаманы, знахари, хироманты, жулики и прохиндеи могут вас отправить туда и вытащить оттуда. И всё такое прочее, и, самое главное, всё это прилипает к образованному сословию, которое, как студенты-медики, болеет всеми изучаемыми болезнями.

– Да вы что? – деланно удивился я. – Даже те? – и я многозначительно показал пальцем вверх.

– Даже те! – торжественно произнес Никодим.

– Как я их понимаю, – заговорщически произнес я, – просидишь двадцать-тридцать лет у верховной власти, и как неохота уходить от неё, несмотря на то, что Конституция не позволяет быть при власти больше восьми лет. Капитанов, офицеров в расцвете сил и здоровья увольняют в сорок лет, как неспособных справляться с сотней солдат, а верховный начальник в восемьдесят лет уже не имеет сил выпустить руль, его выдирают из старческих рук и не могут вырвать сотня вельмож, а начальник тот хочет стать бессмертным как Кашей, и чтобы смерть его хранилась на конце иглы, а игла в яйце, а яйцо в утке, а утка в хрустальном ларце, а ларец

тот на цепях стальных подвешен на высочайшей лиственнице, а лиственница та стоит на неприступной скале, а скала та находится на острове Буяне, а остров тот в море-окияне...

– Олег Васильевич! – укоризненно прошипел Никодим. – Да есть ли в вас что-то святое?

– Конечно, есть, – сразу откликнулся я, – я бы хотел, чтобы мои папа и мама были всегда живыми и жили вечно, и чтобы они всегда были здоровыми.

– Да вы понимаете, что тот, кто о нас ежеминутно думает, тот должен жить вечно, – с раскрасневшимся лицом произнес Никодим.

– Кому должен? – спросил я.

– Мне, вам, всем, – сказал сотрудник госбезопасности.

– Мне он ничего не должен, – сказал я, – хотя, нет, должен переизбираться в соответствии с Конституцией и уступать дорогу другим политическим силам, которые наиболее популярны в нашем народе.

– Ну вот, вы всё на политику перевели, – чуть не заплакал Никодим, – у нас дело-то неполитическое.

Я его понимал. За такой разговор по головке не поглядят. Прослушают звукозапись и надерут ему задницу по первое число, как он, специалист широкого профиля, не удержал инициативу разговора в своих руках.

– Поймите, – сказал Никодим, – дедушка вашей родственницы был непростой человек, он работал вместе с заместителем Дзержинского Бокием.

– И получил за это иконостас орденов, а Бокий пулю в лоб, – подхватил я, – а вот почему так получилось, не известно.

– Только между нами, – шепотом сказал Никодим, – дедок тот работал над какой-то важной проблемой, а вот над чем он работал, в архивах не сохранилось, потому что бумаги все подшиты были к уголовным делам, а после расстрела тех сотрудников все дела были уничтожены. Как говорится, концы в воду, а с концами и серебро фамильное выплеснули в помойную яму. А потом и дедок дуба дал.

– Какое серебро? – не понял я.

– Да это так говорится, когда важное выкидывается вместе с второстепенным, – пояснил мне офицер, – то есть алмаз зарыли на скотном дворе, это тоже иносказательно. Поэтому мы и пригласили вас, чтобы обратиться к вам как к патриоту, правильно понимающему цели и задачи нашего социального государства оказать нам конфиденциальную помощь в освещении всего того интересного, что найдется в вашем новом доме.

– Так, – сказал я, – интересно, в отношении кого работает наше социальное государство? Я так считаю, что только в отношении олигархов и дружбанов, которые сидят во власти. Это первое. И второе, вы предлагаете всё, что мне достанется в этом доме, тащить к вам и делиться? Так я ничего не обязан тащить к вам, всё, что в моем доме, то оно моё и есть.

– Олег Васильевич, – взмолился Никодим, – так трудно с вами говорить. Вы всё понимаете, но разговор вертите, словно клубок шерсти и непонятно, что будет с другой стороны клубка, то ли острая спица, то ли мягкая шерсть. Мы просим вас проинформировать нас, если в доме будут происходить какие-то непонятные и сверхъестественные явления и если кто-то из странных людей будет приходить к вам.

– Странные люди уже приходили, даже при мне, – сказал я.

– Как, кто?! – чуть ли не закричал чекист. – Что говорили, что спрашивали, как представлялись?

– Представился Мардатом, – сказал я, – приходил в сопровождении своих мордovorотов и ещё милиция его охраняла за забором. Требовал, что старушка продала ему дом и пригрозил мне большими неприятностями, если я откажусь продать ему дом.

– Хорошо, я передам руководству об этих фактах, – сказал Никодим официальным тоном и тут же ласковым голосом предложил, – а, может, мы с вами напишем расписочку о том, что вы обязуетесь хранить в тайне содержание нашего разговора с нами и что в целях конспирации вы подпишете этот документ не своим именем, чтобы никто не узнал, а другим, например – Сильвестр.

– Да ну, ещё писать чего-то, – сказал я, – тут за день так напишешься, так что на буквы смотреть тошно, да к тому же, я печатаю на компьютере и писать вообще разучился. Обой-

дёмся и без бюрократии. Конечно, я вас проинформирую, когда снова придет Мардат или его подельники. Да и вообще буду информировать, когда ваши союзники будут приходить.

– Они не наши союзники, – хмуро сказал молодой человек, – они стараются нам вцепиться в спину, так как мы самые неподкупные и самые верные и объективные органы, стоящие на страже законности.

– Согласен, – сказал я, – вы уж там держитесь, вся надежда только на вас.

Глава 18

Вероятно, что моё появление в этом доме нарушило какие-то далеко идущие планы многих людей. Пока была тишина, никто и не беспокоился. Старушка никого не тревожила, бумаги не ворошила, учеников деда не искала и всё было тихо и спокойно. И тут появляюсь я. Весь белом посреди этого навоза и люди задергались.

Они надеялись на то, что в тишине и покое разберут всё по щепочке и сделают вывод, что в доме ничего интересного не обнаружено, а потом продадут этот дом Мардату. Или Мардат предоставит возможность осмотреть всё за то, что его никто трогать не будет, опасаясь крышевания со стороны одной из специальных структур.

Поэтому мне нужно поторопиться, потому что Клара Никаноровна, несмотря на то, что хорохорится и показывает себя энергичной, не очень сильна в здоровье. Знакомые врачи сказали, чтобы мы за ней внимательно доглядывали и старались уберечь от сквозняков. Простая простуда может осложнить всё дело.

Я ещё раз обошел внутренний периметр усадьбы и поразился увиденному. Дедок знал толк в фортификационном строительстве и понастроил столько, что мне и самому нужно быть осторожным, чтобы не упасть в яму в самом неподходящем для этого месте. И ямы были на предохранителях,

которые открывались на ночь. Клара Никаноровна сама показала, что и где. Показала и выскакивающие из забора жердины, которые после удара возвращались на место, и металлические штыри, которые выдвигались из тесовых штакетин при надавливании на них.

Ещё показала два охотничьих ружья производства тульского оружейного завода периода 1916 года. Ружья в хорошем состоянии и патроны, заряженные в двадцатые годы. Я было посмеялся над этими патронами, которые нужны только для того, чтобы попугать людей их наличием.

– Не смейтесь, молодой человек, – строго сказала старушка, – ещё ни один патрон не дал осечку и заряды такие, что ими можно сшибать как уток на лету, так и лихих людей на заборе. Ты лучше возьми ружье и пару любых патронов и стрельни в хлеву, чтобы шумом не пугать людей поблизости. И уши свои прикрой как следует, а то оглохнешь как артиллерист.

Проверку оружия производил в хозяйственной пристройке. Два патрона, без осечек, выстрелы хлесткие, дробь номер три, кучность поразительная. Ну что же, к обороне готовы, даже жена умеет стрелять из ружья. Хотя, в нашей стране за оборону от преступника могут посадить, типа, вот если бы преступник вас убил, то вас бы освободили от наказания. Правильно сказано – умом Россию не понять. В революцию при её первоначальном успехе толпой ринулся уголовный элемент, одевшийся потом в мундиры с золотыми позу-

ментами и принявший законы такие, чтобы у преступников всегда невиноватый был виновен.

На следующий день с утра и после хорошего завтрака я пошёл обследовать амбар с открывшимися для меня двумя дверями. На шее два ключа, в амбаре две двери. Ясно, что эти ключи от этих дверей. Что может твориться за этими дверями, если на той стороне амбара нет никаких дверных проёмов и никаких дверей? И второй вопрос, который сразу мне приходил в голову: а зачем нужны на стене фальшдвери? Значит, всё нужно проверять. Не зря дедок писал какую-то ересь в своих заметках. Как эти бумаги не попали в органы, совершенно непонятно. Вероятно, что тот, кто проверял эти записи, был человеком неискушённым, а попросту говоря – малограмотным и в прочитанной им ахинее он уловил признаки сумасшествия, а не чего-то такого, что может происходить на самом деле. И за это спасибо ему.

Итак, какую дверь будем открывать? Правую или левую? Есть верное правило, зависящее от того, что нам нужно:

Идёт направо – песнь заводит,

Налево – сказку говорит.

Если нам нужна сказка, то налево, если нам нужна реальность, то направо. Открываем правую дверь. Да, забыл вам сказать, что обе двери находятся как бы на одной оси. Правая дверь с ручкой и замочной скважиной справа, а левая

дверь – соответственно слева. Обе открываются внутрь, то есть в глубину амбара. Сразу вспомнился старый одесский анекдот про одного человека, который зашел в дверь в заведении с девочками и выбирал всё повкуснее и подешевле, открывая соответствующие двери с надписями и, наконец, очутился на улице совсем недалеко от того места, где входил в заведение.

Я взял первый ключ и попытался всунуть его в замочную скважину. Не подходит, зато следующий ключ подошел как родной. Ключ провернулся на два оборота и дверь легко поддалась, как будто открывалась каждый день.

Я выглянул наружу и обомлел.

Глава 19

Я выглянул наружу и обомлел. Вокруг была вода. Ровная поверхность спокойной воды. По всей вероятности, это озеро шириной метро тридцать и заросшее густым кустарником по обоим берегам. Высокая тёмная зелень отражалась в воде и делала воду прямо-таки черной, в которой были какие-то проблески света, и ещё казалось, что в воде снуют туда и сюда какие-то тени.

Прямо от крыльца в воду уходили деревянные мостки, сделанные из березовых обтесанных кольев, на которые настелены узенькие дощечки. У мостков были поручни с обеих сторон и сооружение выглядело достаточно крепким. Иметь рядом со своим домом целое озеро, это неслыханная роскошь в наше время. Может, где-то в кустах спрятана и лодка.

Я закрыл дверь и пошёл готовиться к прогулке по мосткам. Как говорят, собираешься на день, бери запасов на неделю. Жена мне сварганила «тормозок» в виде свертка с бутербродами и термос с чаем. В кладовке я видел пробковый спасательный жилет. Это такой матерчатый жилет, в который вшиты квадратики пробки или пенопласта, которые помогают человеку удержаться на воде. Взял свой охотничий нож, сварганенный умельцами в местах не столь отдалённых, надел джинсы, кроссовки, спортивную куртку и штормовку. Взял немного денег и коробочку с рыболовными приспособ-

соблениями. Если будет где-то удобное место на берегу, то нужно обязательно закинуть удочку. Рыбная ловля это такое увлекательное занятие, что каждый, кто хоть раз выловил малую рыбку, стремится повторить свой рыбацкий подвиг и поймать вот эту самую большую.

Жену я предупредил, где буду, но категорически запретил самой пускаться в путь, пока я не вернусь.

Перед походом я снял с шеи ключ от второй двери и хорошенько его спрятал в амбаре. После этого я вышел за ограду нашего дома и зашел в лесок, чтобы ещё раз осмотреть тыловую часть дома, вместе с амбаром. Никакого озера там не было и в помине. Чертовщина какая-то.

Вернувшись в амбар, я снова открыл правую дверь и увидел озеро там, где его только что не было. Просмотрев во круг, я нашел камень, поднял его и бросил в воду. Камень плюхнулся в воду, издав характерный звук, и как будто какая-то неведомая сила унесла его на дно. Мало ли что покажется.

Я осторожно ступил ногой на мосток и покачал его ногой. Держится прочно. Встал на него обеими ногами и пошёл по мостку по озеру. На Иисуса Христа, шедшего по воде аки посуху, я был совершенно не похож, потому что мостки были выше уровня воды примерно на один метр.

В принципе, это не хуже, чем на лодке. Идешь над водой, по бокам густые деревья, но не слышно ни птичек, ни дуновений ветерка.

Я шел вперед, а озеро не кончалось, не было даже видно его края где-то вдаль, потому что оно было сильно извилистое. Ещё было одно странное обстоятельство. За листвою я не видел неба. Свет сквозь листья проникал, но он проникал в виде света, а не виде светлого неба.

Я шёл и шёл и не знал, сколько мне ещё нужно будет идти. Посмотрев на часы, я увидел, что нахожусь в пути примерно сорок минут. Остановившись, я развернул «тормозок», достал бутерброд и стал его кушать, запивая хорошо заварившимся в термосе чаем. На свежем воздухе всегда отменный аппетит. Отвалившаяся от бутерброда крошка упала вниз между досками мостков и какая-то крупная рыбина схватила его почти что на лету.

– Я же говорил, что здесь прекрасная рыбалка, – подумал я про себя и бросил в воду кусок хлеба, на который не хватило кусочка колбасы.

За хлебом выскочило какое-то чудовище, похожее то ли на акулу, то ли на крокодила, то ли на сома с головой огромной щуки. И на это чудовище напали ещё два чудовища, и в воде закипела схватка не на жизнь, а на смерть. Одно чудовище пыталось схватить и меня, но я успел отскочить и побежал вперед.

Пробежав метров двести, я остановился и осмотрелся. Присмотревшись внимательно к дощечкам мостков, я увидел, что они тоже покусанные. Вероятно, на тех, кто находился на этих мостках, регулярно совершались нападения

этих хищников на потенциальную пищу.

– Тут не до рыбалки, – лихорадочно думал я, – как бы самому не оказаться наживкой.

Я достал сотовый телефон и попытался позвонить жене, но он не показывал зону приёма, даже девушка, которая фиксирует этот факт, молчала. Вероятно, я был вообще вне всяких электромагнитных полей.

– Надо рвать отсюда когти, – думал я, – назад по мосткам не пройдешь, там хищники караулят. Нужно идти по берегу. Хотя, неизвестно, что может поджидать меня на берегу. А чего дедок ничего не писал про это? Вот злыдень, приготовил ловушку для чересчур любопытного горожанина. А зачем я попёрся сюда? Искать на свою задницу приключений? Вероятно, это так и есть. А как добраться до берега? Самому не допрыгнуть. Броситься в воду и плыть до берега? А успеешь ли выскочить из зубастых пастей хищников? Остается одно – найти близко спустившуюся к мостками ветку дерева, ухватиться за нее и на ней перепрыгнуть на берег. Другого выхода нет.

Глава 20

У каждого спортсмена есть три попытки для взятия высоты, длины, веса. У меня была всего одна попытка и на кону стояла не спортивная медаль, а собственная жизнь. Если бы за бегуном мчался гепард, то олимпийские рекорды были бы такими, какие не мог бы поставить никакой тренированный человек. Так и у меня. Я перебрал с десятков ближних ветвей и остановился на одной, которая не была сильно толстой, но она и не была сильно старой, чтобы сломаться в самый неподходящий момент. Пусть она изогнется, но зато спружинит и выкинет меня на берег.

Была не была. Я схватился за выбранную ветку, подпрыгнул, оттолкнулся от поручней мостков и полетел в сторону берега. Я видел хищные и злобные пасти чудовищ, провожавшие меня маленькими глазками в полете на спасительный берег.

Я не долетел до берега самую малость, и ветка вернула меня на то место, откуда взяла. Спасибо ей, что не сломалась на изгибе. Я осмотрелся и увидел, что дальше по мосткам дощечки наклонены в одну сторону. Как будто сломалась палка, к которой они крепятся.

– Всё понятно, – подумал я, – хищники подгрызли стойку, и, если я пойду туда, то я, как добыча, самопроизвольно упаду в воду. Врешь, не поймаешь.

Я снова схватился за ветку и снова она, не доведя меня немного до берега, вернула на место.

– Да что ж ты, сволочь, – пронеслось у меня в голове, – работаешь на них против меня?

Я вскочил на мостки, подпрыгнул повыше и снова полетел в сторону берега. Но тут ветка сломалась и я вместе с ней упал на берег. Если бы она не сломалась, то я был в воде. Не надо думать ни о чем плохом. Плохо, что мой термос так и стоит на мостках, хочется немного пить, а вот к воде подходить опасно. Первое. А вдруг вода отравленная? И второе. Хищники ждут свою жертву на водопое. А что нам готовит неведомый берег, заросший деревьями и кустарником?

Я взял в руки свой нож и пошёл в сторону от берега. Метров через пятьдесят я вышел на залитый солнечным светом луг, на котором росли ромашки, а по краям виднелись синие головки васильков. Ещё дальше виднелась березовая роща, где вполне вероятно могла быть вода.

Воду я действительно нашёл. Небольшой родничок журчал в корнях большой березы, питая ее и тех, кто подходил к ней. Вода была вкусная и холодная.

Напившись досыта, собственно говоря, старый принцип гласит – если сильно хочешь кушать, попей водички и голод уйдет, я растянулся в тенёчке и стал смотреть на небо, выискивая в кучевых облаках те или иные фигурки, создающиеся то ли сами по себе, то ли верхние люди играют с облаками, создавая причудливые картины, изумляющие нижних

жителей.

Глава 21

Во сне мне снилось, что кто-то меня ворочает и перекладывает на какую жесткую деревянную кровать, чтобы я спал не на земле, а в постели.

– Понятно, – подумал я, – мне всё это приснилось, а жена с Кларой Никаноровной укладывают меня в кровать.

Я дернулся, но почувствовал, что дёргаться не могу. Распят, лежа на земле, но распят так, что ноги у меня привязаны к жердине, а руки свободны, но расставлены в разные стороны и палка под спиной не даёт мне свести их вместе. Метод старый, одна палка продевается через рукава, а вторая – через воротник и штаны. И человека связывать не надо и никуда он не убежит, если не хватит сил сломать палки и порвать на себе одежду.

Около меня копошились четыре крепких мужичка с русыми бородками и говорившими примерно так же, как говорят нынешние сербы, но понять им можно.

– Гли-ко, Кольча, как оне одёжу скрепляют, таких кругляшков с дырками можно из чего угодно уделать, и получится ловко, – сказал один.

– Кружки-то эти они делают из коровьих рогов, – сказал другой, пробуя мою пуговицу на вкус, – только скус у ней какой-то другой.

– Будя баить-то, – сказал тот, что постарше, – понесли его

к волхву, пока не стемняло.

Меня как пушинку подняли за четыре конца палок и легко понесли куда-то по полю.

Шли мы долго, минут тридцать или сорок, как я примерно отсчитал. Подошли к какому-лесу и острогу из тёсаных брёвен. Меня положили у забора из заострённых брёвен и куда-то ушли.

Из проёма в бревнах вышел бородатый мужик примерно моего возраста с палкой в руках. Постояв около меня и потерев бороду, он оглянулся по сторонам и сказал:

– Шпрехен зи дойч (говоришь по-немецки)?

Я удивился, но ответил:

– Я, я, ихь шпрехе дойч (Да, да, я говорю по-немецки).

– Мать-перемать, – выматерился мужик, – одна нерусь по округе болтается, человеческим словом перекинуться не с кем.

– Вы говорите по-русски? – спросил я? – Сам я русский и язык этот мой родной.

– Ты смотри-ка, – оживился мужик, – русским духом потянуло. Откуда такой будешь?

– Да как откуда, – сказал я, – как все, из Московии. Ты палки-то вытяни, а то ни сесть, ни потянуться.

– А давай-ка, мил человек, мы тебя на живот перевернём, я палки-то и выну, да только ты без моей команды не думай встать, – сказал мой собеседник. – И заруби себе на носу, Московия это не наша придумка, это всё проклятые импе-

риалисты придумали для пропаганды.

– Без проблем, – сказал я и даже перевалился на бок, когда одна палка освободила мою левую руку. Мужик вытащил обе палки и я ждал его команды вставать. Кто его знает, какие у них здесь порядки. Вероятно, это я к староверам попал, а у них там от чужаков освобождаются быстро, ни один ещё жалобы на них не подал.

После растянутых в сторону рук трудно приходиться в привычное состояние, когда руки касаются друг друга. Пришлось даже прилагать усилия, чтобы руки пришли в нормальное состояние.

– Ладно, вставай, – услышал я над собой голос, – да только не вздумай шутить, а то у меня разговор короткий.

Я встал и обомлел. В руках у мужичка поблескивал портостями на вороненых частях «маузер-большевик».

Глава 22

– Чего уставился? – сказал мужик. – Садись на пенёк, разговором закончим денёк. Гли-ко, стихами заговорил. Наш-то язык складнее и звучнее, а то я пока привык к тому, так думать даже разучился. У тебя, кстати, патронов для маузера нет?

– Нет, патронов для маузера у меня нет, – сказал я, чувствуя какую-то несообразность во всём том, что происходило со мной и вокруг меня.

– Ладно, – согласился мужик, – раз патронов нет, так рассказывай, кто ты таков и как здесь очутился.

– А чего рассказывать? – сказал я. – Купил я дом у внучки какого-то Громова и нашел ключ, а под ключ нашел дверь в амбаре, открыл дверь и по мосткам пришел сюда. Вот и всё.

– Точно, – закричал мужик, размахивая маузером, – он гад, Громов, привёл и меня сюда на разведку того, что пригодится нашему пролетарскому государству. Мы тогда вместе с ним в ЧК служили. Как под нами мостки стали проваливаться, а твари эти стали нас за ноги хватать, так мы на ветках и выпрыгнули на берег. Потом людей вот этих обнаружили. Громов говорит: «Гудыма, это предки наши, ты в них не стреляй, а то у нас чего-нибудь нехорошее сотворится. И побежали мы с ним к озеру. Он-то запрыгнул на мосток, а мне никак не удастся, а люди всё ближе. Громов мне

и кричит – разоблакайся до исподнего, за них сойдешь, а пистолет спрячь, пригодится, а я за подмогой побегу. Сейчас роту ЧОНа, части особого назначения, приведу». И убежал. А я здесь остался, подмогу ожидаю. Мне раньше-то Громов сказки рассказывал про нашу историю, что жили мы в многобожии и главным у них был Перун. А потом стали князя Владимира, что сейчас святым почитается, соблазнять разными религиями, а он и говорит, что помимо греческой религии я никакой не хочу. Она, мол, самая правильная и я её славить буду. Вот и стали мы по воле Владимира православными. А Громов, так значит, преставился уже, раз внучка его хоромину его продала? Да как же это может быть, если я здесь всего лишь три года обитаю?

– Да давно уже преставился, – подтвердил я, – в ВЭЧКа он служил, ордена имеет за службу. А что дальше-то у вас было?

– А что дальше было? А то и было, – как-то нехотя стал говорить мужичок, думая о чём-то о своём. – Стою я в исподнем и в сапогах яловых, а на боку маузер в деревянной кобуре на ремешке висит. Бегут на меня мужички в льняных рубахах и кто с палкой, а кто с вилами деревянными. Стой, – кричу я им, – вы так посланца вашего главного бога встречаете? Да как стрельну в воздух, так они и попадали все в страхе. А мне что делать прикажете? Попинал я сапогами зачинщиков, да потом приказал всем идти за мной. Они и пошли. Подошли мы сюда, к лесу и говорю я им, что вот здесь бу-

дем строить молеальный дом для Перуна нашего. Они только «за». Приехал князек ихний, ему я тоже показал, как маузер стреляет, говорю, что вот помощник мой снова к Перуну побежал, чтобы рать мне прислать для моей защиты и разорения всех, кто мне будет в почестях отказывать. Гляжу, сробел князь-то и говорит, что не надо на него небесную рать присылать, молись только за нас, а уж мы тебя защитой не обделим. Вот так и живу здесь. Как священник. Разные тут церемонии делаю, с волхвами, знахарями ихними, дружбу вожу. Недавно половецкий разезд приезжал. Парочку половцев я подстрелил метров с пятидесяти. Теперь не появляются, а обо мне слава разнеслась, что я перуновым огнём издалека врагов поражаю. У тебя курить-то есть чего?

– Не курю, бросил, – сказал я, – курение для здоровья вредно.

– А ты сам-то из какого года будешь? – спросил мужик. – Как-то всё у тебя не по-нашему.

– Я из 2013 года, – сказал я.

Глава 23

Я не сразу нашел воду и ковшик для того, чтобы принести воды Гудыме. Он очнулся раньше, чем я пришел с водой. Отхлебывая воду из ковшика, он грязно матерился и проклинал всех и вся. Взяв обратно ковшик, сделанный из цельного сучка сосны, причём ручка была искусно вырезана в виде огромного фаллоса, я отхлебнул воды сам и подумал, что нужно бы обрызгнуть и матерящегося мужика, что я и сделал.

– Ты чего брызгаешься, – закричал новоиспечённый волхв, – ты хоть представляешь то, что мы пришли сюда в одна тысяча девятьсот двадцать третьем году, а у вас уже две тысячи тринадцатый год. У меня здесь прошло три года, а у вас там девяносто лет. Куда я нужен там таким? Что там у вас за это время произошло?

– Давай мы об этом потом поговорим, когда ты к этому известию привыкнешь, – предложил я, – а то ещё очоуришься, не дай Бог, а как я без тебя буду тут обживаться?

– Ладно, – согласился Гудыма, – попривыкну и расскажешь мне всё постепенно, как и что. А у тебя документ-то при себе есть какой-нибудь.

– А зачем мне документ, – сказал я, – я ведь не в банк иду за деньгами. Вот, разве что, – и достал из кармана недавно приобретённый смартфон.

Для читателя я не буду объяснять, что такое смартфон.

Все уже знают, а многие и пользуются ими постоянно.

Я показал Гудыме несколько фотографий, снятых в последние дни, сфотографировал его в фас и в профиль, пока питание в телефоне не село.

– Давай-ка мы тебя обрядим в сегодняшние одежды, чтобы не выделяться тебе, а то, неровен час, к князю большому вызовут, – сказал хозяин, – у нас тут, понимаешь, послы иностранные шастают, всё в свою веру русичей зовут. Ты-то как, насчет веры определённый или как мы, воинствующие атеисты, как говорил нам товарищ Ленин и приказывал товарищ Троцкий.

– Как тебе сказать, товарищ Гудыма, – сказал я, – когда пал коммунистический режим и к власти пришли демократы, все правоверные коммунисты спрятали свои партбилеты и выстроились в церквях со свечками в руках. Крестились так истово, что на лбу синяки себе набили щепотью. Стали называться воцерковлёнными. Это когда грешники вдруг становились истово верующими. Таких всегда назначали на должности для борьбы с бывшими товарищами. Бывшие марксисты становились хорошими начальниками охраны, а богохульники становились главными инквизиторами. Бывший меньшевик Вышинский был назначен генеральным прокурором и уничтожил половину командного состава Красной Армии, а потом армия без командиров откатилась под самую Москву.

– Ни хуя себе, – только и мог вымолвить Гудыма. – ну

и наворотили вы делов.

Как-то в нескольких словах мне удалось рассказать почти всё, что у нас произошло в последние пятьдесят лет.

– Все наворотили делов, – сказал я, – вы с товарищем Громовым тоже не ангелами были. Царя с семьей расстреляли, а в наше время их объявили святыми и везде иконки с мучениками продают. У нас тут патриарха недавно избрали, из монахов-послушников, так тот по золоту прикалывается и по квартирам большим с дворцами живописными и чтобы на подворье куропатки были, а на завтрак свеженькие яички с молочком и творожком подавались.

– Как царь живет, – причмокнул Гудыма, – может, он ещё и председателем совнаркома управляет?

– Не управляет и даже не или находится с ним на равных должностях, потому что тот деньги патриарху отсыпает полной пригоршней, – сказал я, – охрану ему государственную дал, машину бронированную с госномерами...

– Это что, у вас наркомы на танках ездят? – искренне удивился Гудыма. – Распустили вы контрреволюцию, раз у вас никакой чиновник в безопасности себя не чувствует.

– Эти танки сейчас называются бронированными автомобилями «мерседес», – начал я разъяснять нашу действительность, – в народе их называют «меринами». Наверху у него мигалка с сиреной, чтобы все разбегались в разные стороны перед ним. Раньше, когда царь ехал по дороге, то впереди мчались опричники, били всех нагайками, сталкивали каре-

ты с дороги, а всем встречающимся кричали: «Пади!», чтобы они на коленях стояли вдоль дороги. У нас почти тоже, только на колени не ставят, хотя, когда людям приходится часами сидеть в машинах, пережидая проезда царя, то это очень похоже на крики опричников «Пади!».

– Ты смотри, едрит твою лять, – выматерился Гудыма, – и на хрена мы тогда революцию делали, чтобы одного царя сменить на другого? Сколько же мы людей постреляли, многих вообще ни за что. Мы трупами выстилали дорогу к счастливой жизни, а вы всё испоганили. И как я себя должен чувствовать? Как герой? Да я преступник перед народом своим. Как я в глаза родственникам расстрелянных людей взгляну? Всё буду объяснять революционным запалом? Пойдём в дом, курнуть хочу, я тут травок засушил разных, иголок еловых добавил и трубку себе вырезал. Расстроил ты меня, землячок.

Глава 24

Дом был рубленый, настоящий и стоял он как бы в стороне от кострища, находившегося в центре огороженного бревнами двора. Бревна сруба были проложены мхом, хорошо забитым в щели. Всё было массивно и экологически чисто.

По всем показателям, это было святилище местного служителя богов, который здесь проводил ритуалы и сам же здесь жил.

Обстановка в доме простая. Вешалка в углу. Обыкновенная доска с сучками, на которых висела лопотина и одна шубейка, на которой, вероятно, Гудыма и спал, и которую носил в ненастную погоду.

Деревянная горка для посуды представляла собой несколько жердин, на которые почти вертикально укладывалась помытая посуда, состоявшая из трёх глиняных и двух деревянных плошек.

Покуривший Гудыма достал из заглашника деревянную дощечку, на которой ножом было вырезано изображение, отдалённо напоминающее Иисуса Христа, поставил её в угол и стал усердно молиться.

К Богу приходят люди, которым откровенно не везет в жизни и те, кто поураганил в своё время так, что грехи стали давить не только на грудь, но и на голову. И Гудыма молился Христу в то время, когда христианства на Руси ещё

не было

– Господи, прости нам все прегрешения, дай нам хлеб насущный на каждый день и избавь от козней лукавого, – бубнил мужичок, – а ещё сделай так, чтобы соратники мои по революционной борьбе с контрреволюцией никогда не пришли к власти, ибо тогда они натворят столько дел, что России нашей никогда не отмыться от них...

– Раньше молиться надо было, – сказал я Гудыме, – дружки твои как раз пришли к власти, вцепились в неё зубами и тянут страну в логово Феликса Дзержинского, раздирая её на лакомые куски для кормления.

– Это в твоей жизни так, а в моей жизни, о которой я молюсь, такого не будет никогда, – ответил Гудыма, как бы не прерывая молитвы, – ибо сила Твоя и царствие Твоё во веки веков. Аминь!

– Ты когда молитвы-то вспомнил? – спросил я. – Уж не во время ли расстрелов в подвалах ВЧК? И скольких священников ты самолично застрелил?

– Я в расстрелах не участвовал, – сказал мужичок, – а вот арестовывать приходилось изрядно. И многие из них домой не вернулись. А к священникам я не прикасался. Ризы с икон обдирали, чтобы голодных накормить, это было, но ведь священники ничего не производят и за счет народа кормятся. Мироеды они.

– А сам-то ты кто? – снова спросил я. – Разве не мироед? Маузером махал, рассказывая, что посланец Богов, и сей-

час как бы священником работаешь, ничего не производишь, а питаешься за народный счет. Мироед ты и есть, и тебя нужно раскулачить.

– Ладно, ты говори да заговаривайся, – миролюбиво сказал Гудыма, – я тут сам веду свое хозяйство, девки иногда прибегают в доме порядок навести, а я вот на охотку с рогаатиной хожу, самоловы и самострелы ставлю, да и сам люблю стрелу в дичь пустить. Погоди-ка, мы с тобой ещё на охоту ходим.

Топот лошадиных копыт прервал нашу беседу. В святилище на коне въехал всадник.

– Гудыма, – закричал он, – давай собирайся к князю, гости к нему едут по твоим делам. И дружка своего захвати. И не мешкай, – и он сразу ускакал.

Глава 25

– Это никак обо мне идет речь? – проявил я свою догадливость.

– О тебе, мил человек, – подтвердил Гудыма, – к князю гости едут соблазнять своими религиями, а я и ты будем как бы советчиками того, к какой религии князю приткнуться. Так что думай сам, если не в тему будешь говорить, то в лучшем случае тебя утопят, а в худшем – сварят в чане на площади. Русичи люди простые и порядки у них простые, а княжий суд самый скорый и самый правый.

– Да, как у нас в современной России, – сказал я.

– Неужто сам князь суд правит? – удивился Гудыма.

– Сам, – подтвердил я. – Вроде бы и есть законы, а вот по отдельным делам князь сам через судей выносит приговоры. Вот, например, два года назад две девки-скоморошки пятнадцать секунд в храме кривлялись, пели молитву Богородице, чтобы князя прогнала. Так девкам дали по два года тюрьмы, не посмотрели даже на то, что у них дети малые есть. И сам князь следил, чтобы никакого условно-досрочного освобождения не было. До сих пор девки сидят. А он опирается как бы на «народ», который готов с кольями и вилами идти на погромы тех, кто против князя слово имеет. Вот такие у нас времена.

– Россия не меняется, – вздохнул Гудыма, – царь Петр

Россию сгибал, да не согнул. Народ России может что-то сказать и сделать только тогда, когда почувствует гибель свою. Я хоть грамотёшкой многих людей не превзошел, но вот знаю, что народ активничал только во время Великой смуты, и то активничал по-разному, кто-то грабил, а кто-то в ополчение шёл Кремль от поляков вызволять. А в другие времена народу-то нашему всё одно было, кто над ним стоит, то ли помещик-рабовладелец, то ли басурманин какой, за податью пришедший. И ведь беды-то русские начнутся после того, как Русь примет какую-то веру себе кроме той, что у них есть сейчас. Из гордых русских людей иноземные завоеватели и собственные князья-цари-рабовладельцы сделают бессловесное быдло, которое молча идёт на убой, принося с собой либо топор, либо верёвку, чтобы князей и завоевателей в расход не вводить. Вот и смотри, как себя вести и кого князю рекомендовать. Я, понимаешь, лучше помолчу, потому что ты человек грамотный, современный, историю всю знаешь, не то, что я, который как остановился в 1923 году, так и стоит там столбом. Давайкося, поснедаем немного да будем собираться в путь. Сейчас придет Светолика и покормит нас.

– Какая Светолика? – не понял я.

– Какая? – переспросил Гудыма. – Обыкновенная, имя у нее такое, лицо светлое, вот и назвали ее Светоликой. Да сейчас сам увидишь.

Пока мы умывались, в горнице появилась девушка. Действительно, светла лицом и волосы цвета спелой пшеницы

заплетены в косу поверх длинного сарафана. Увидев меня, она сразу покраснела и попыталась убежать, да Гудыма остановил ее:

– Стой, егоза, куда помчалась? Сейчас вот с гостем знакомить буду. Зовут его, – и он посмотрел меня, вспомнив, что не спросил моего имени, – Олег, роду не княжеского, но очень высокого, так что если тебя просватает, то спуску не даст...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.